

Станислав Хабаров
Аллея всех храбрецов

16+

Станислав Хабаров

Аллея всех храбрецов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55347110

SelfPub; 2022

Аннотация

Первая книга трилогии «За стеклом» об Особом конструкторском бюро академика Сергея Павловича Королёва периода начала космонавтики. Написанная в шестидесятые годы прошлого столетия, она слегка закамouflирована по соображениям секретности. В книге представлена «кухня» КБ, скрытого тогда от глаз и засекреченного. В фабуле книги история рядового «теоретика», инженера отдела ориентации КБ. Шестидесятые годы прошлого столетия. Молодой специалист приходит на ракетно-космическое предприятие. Он воспитан в прежнем стиле индивидуального творчества, а попадает «на конвейер» коллективного труда. Королёв, Раушенбах и другие первопроходцы отечественной космонавтики из соображений секретности фигурируют в книге под псевдонимами, под которыми они выступали в прессе в те времена. В книге с фотографической точностью отражена доподлинная обстановка и атмосфера ОКБ-1. Без прикрас, преувеличений и восторженных отзывов.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	39
Глава четвертая	56
Глава пятая	79
Глава шестая	87
Глава седьмая	105
Глава восьмая	119
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Станислав Хабаров

Аллея всех храбрецов

В канун миллениума ломали в Подлипках ветхий дом и среди хлама в пыли на чердаке нашли кипу исписанных листков. На них сначала не обратили внимания. Ведь речь в них шла о каком-то зауральском Краснограде. Но позже поняли, что это только дань времени. Режим секретности не позволял автору прямо написать. Листки с вниманием перечитали, и оказалось, что они и о людях известных и их делах. Судите сами. Вот эти записи, почти неправленные.

Часть первая

Глава первая

Странная штука – память. Нередко губкой забвения она стирает целые годы, оставляя неизвестно зачем минуты во всех подробностях, в трещинах мелочей. И каждый раз, если приглядеться внимательно, за эти минуты прячется чувство: любовь или ненависть, боль или радость, неизъяснимая сладость творчества или парализующий сердце страх.

Перед отъездом он попросил Пальцева:

– Лень, тебе всё на свете известно. Выручай.

Пальцев не стал ломаться, принёс какие-то листки пожухлые, точно они в земле лежали, уселся с профессорским видом и понёс белиберду:

– Об этих местах, – говорил он и щурился от удовольствия, – упомянуто в китайских летописях... четыре тысячи лет назад. И Геродот писал об аримаспах...

– Палец, кончай, – предупредил Мокашов, стараясь быть серьёзным.

– Нет, послушай... Аримаспы живут в горах, воруют у гриппов золото, плавят руду в горшочках, поклоняются камням...

– Давай-ка сюда листки.

– Осторожней, – взмолился Пальцев. – Редкость библиографическая. Книга была ветхая: края пожелтевшие, хрупкие, точно обожжённые листы.

– Ничего с твоей рухлядью не сделается. Сбережём её для потомства. Ответить не можешь по-человечески. Ты, говорят, там на практике был?

Обижался Пальцев, как правило, ненадолго. Может, поэтому в институте у него не было врагов.

– Значит так. Значит, эдак, – начал он без особого энтузиазма. – Нарисуем план для наглядности. Номер айн – драмтеатр, цвай – аэродром, речка, рынок, – Пальцев всё больше увлекался, – стадион, кинотеатр, тюрьма. Да, тюрьма. Она в самом центре и притом – ориентир отличный. Удивляешься? Это бывшее место ссылки. Места возможного поселения заштрихуем красным карандашом.

– Сразу места тебе не дадут, – чуть картавил Пальцев, – это я о жилплощади, а в общежитие не советую, принижает дух. Значит, так, первый район тяготеет к речке и рынку. Рынок тут превосходный, – заливался Пальцев. – За рынком тир и речка. Рыба в речке – непуганая. Вода кругами ходит. Утром посмотришь, на реке – сплошные круги.

Представляешь, утро, городок крохотный: в одном конце чихнут, в противоположном – будь здоров. Мостовые булыжные, старинные, от росы мокрые. А мы в лодочке, продрогли в тумане, покуриваем. Лодка наша на якоре и её крутит, крутит, а река паром исходит, так и кипит.

Пальцев говорил и улыбался блаженно:

– А лягушки майские... такой концерт закатят. Послушать надо, ни на что не похоже. В общем, как хочешь, а я к тебе приезжаю. Решено? В отпуск. Представляешь?

И Мокашов действительно представил, как хорошо, и к нему приезжает Пальцев. Они ходят на рыбалку, и волосы Пальцева становятся белыми, хотя они всегда были светлыми и в институте его звали за это Светлой Личностью.

– Считай, повезло тебе. Лет десять назад что здесь было? Какой-то заводило паршивый, а теперь, сам понимаешь, ого-го-го.

Пальцев хитро смотрел, будто многое знал, но преднамеренно не говорил и листочки свои на колене разглаживал.

– Только так я тебе скажу: все это не для тебя, Боря. Ты – нежен, чувствителен. Ты – музыкант, а там молотобойцы нужны.

А Мокашов слушал и не слушал его, а сам прикидывал, что сделать ещё и когда успеть? Спросил он только из вежливости:

– Сам-то куда?

– Не скажу, Боря. Узнаешь – ахнешь. Не по распределению.

– Куда, темнило?

– Не могу сказать, Боря. Чтобы не сглазить, из суеверия. Тьфу, тьфу.

Все было так, как рассказывал Пальцев... Маленький чистый перрон. Взад и вперёд по перрону и переходам между путей ходили носильщики в коротких белых передниках.

– Какие это носильщики, – подумал Мокашов. – Это катальщики.

Они толкали перед собой маленькие трехколёсные тележки. Автокар тянул клетки, полные бежевых бумажных мешков. Высоким голосом кричал паровоз. Зеленоватое здание вокзала светилось на солнце. А солнце уже сверкало на перроне рябинками мелких луж. И горы, освещённые его нежным утренним светом, казались молочно-сиреневыми вдали. И все вокруг было чистым, вымытым и радовало глаз.

Он прошёл подземным переходом прямо к остановке такси. Но такси не было, а была очередь. Впереди стояла женщина с ребёнком, мальчиком лет четырех-пяти. Женщина кого-то напоминала. Родинки рассыпаны по лицу, удивительной красоты волосы, и вся она изящная, чуть печальная, удивительно знакомая.

«Вот привязалось», – с неудовольствием подумал Мокашов, зная, как навязчиво желание вспомнить. И сразу вспомнил: Наргис. Было в ней что-то от этой индийской киноактрисы.

– Что, Наргис? – пробормотал он себе под нос. – Не встречает тебя Радж Капур?

Он прошёл к автобусной остановке, где было шумно, громоздился народ с мешками и корзинами. Автобус был

необычный, с большой, освобождённой от кресел задней площадкой: для вещей.

– Платите за вещи, – призывала кондукторша, а вещи шевелились в мешках и издавали неожиданные звуки. Ехали на рынок, переговаривались, толкали ногами шевелящиеся мешки. И Мокашову очень нравились и говор, и обстановка, и отчего-то хотелось повторять забытые солидные слова что-нибудь вроде: «Как вас звать, величать?»

Возле рынка все вышли и до центра, конечной остановки, Мокашов ехал в пустом автобусе. Автобус, натужно гудя, поднялся на горку, мимо здания родильного дома с вазами-урнами на столбах ворот, миновал длинный, как депо, кинотеатр, и, обогнув сквер, с ужасными львами у входа, остановился на площади перед жёлто-белым Дворцом культуры с колоннами и оскаленными и улыбающимися масками на фронтоне.

Мокашов вышел и по ступенькам спустился в сквер. Сквер был похож на тысячу других. Бронзовая женщина на пьедестале, склонившись и поглядывая исподлобья, сосредоточенно касалась шапочки. Отсюда виднелась улица, по которой они проехали, широкое, протянутое поперёк неё полотно с огромными красными буквами «Гастроли». Ворона коротко и категорично повторяли своё громкое: «Ка».

«Ну, вот, – улыбаясь, подумал Мокашов, – даже не верится. Он в Краснограде, маленьком полулегендарном городке. Один из выпуска. Крохотный городишко. Всего ничего. А

ведь когда-нибудь и стен не увидишь из-за обилия мемориальных досок. Почему это нет машин?»

Он достал пальцевский план, вглядывался, разбирал каракули, а потом просто сидел, улыбался, поглядывал по сторонам. Рядом, у скамейки начиналась густая трава, и первое дерево с пирамидками розовых цветов показались ему странным. Он ещё посидел, а потом вышел из сквера и пошёл тихой заросшей улочкой. Была она неширока, и деревья сплетали ветви над ней. Он прошёл мимо аптеки, стадиона, тюрьмы, и охранник на деревянной вышке смотрел в сторону стадиона, где гоняли мяч школьники. Затем пошли невысокие коттеджи, потом взлётное поле и налево, у самого леса корпуса фирмы.

Палец как в воду глядел. Поселили его в общежитии, да и то на птичьих правах, хотя в направлении было сказано: «С предоставлением жилой площади». Комната была на двоих, но в неё раньше втиснули третью кровать, владелец которой находился теперь в длительной командировке.

Первый день был для него утомителен и бестолков. Его так и не пустили на фирму. Он фотографировался на пропуск, заполнял какие-то анкеты, и весь день чувствовал себя всё ещё по ту сторону барьера. Отсчёт его трудового стажа начался утром следующего дня.

Глава вторая

В восемь часов распахнутые фотоэлементами ворота КБ пропустили в промежуточный дворик, «мышеловку» стремительный чёрный зим Главного. Он тут же затормозил перед вторыми воротами, внутренними. Из остеклённой будочки появилась девушка в форме. Шофёр и мужчина на переднем сидении показали пропуска. Девушка улыбнулась, вернулась к себе пританцовывающей походкой. Ворота открылись, машина вынеслась на территорию КБ.

«Эх, хороша». В другой бы раз шофёр не удержался, хмыкнул или что-нибудь сказал ей вслед, но рядом с Главным он был нем и собран. Главный сидел набычившись, уверенно. Сдержанной силой веяло от его плотной фигуры и наклонённой головы. Чувствовал он себя неважно. Боль в голове отдавалась толчками на поворотах.

– Сначала в сборочный, Сергей Павлович? – спросил шофёр застоявшимся хриплым голосом.

Главный молча кивнул. Болезненность его состояния сказалась и в скорости переключения внимания. Вот и теперь он думал о девушке, дежурившей у ворот, хотя большие и важные вопросы теснились перед ним в очереди.

«Не место ей здесь, – подумал Главный, – сюда бы парня, её ровесника, ковбойского вида, у которого одни шпионы в голове. А у неё что? Наверное, платье».

Машина плавно скользила асфальтированной аллеей. Сосны клонились словно солома по сторонам.

«Её бы в группу теплозащитных покрытий, этакую костюмерную объектов. Но нет пока такой группы. Нужна, а нет. И те, кому следует позаботиться о ней, шутят, называют кружком кройки и шитья. Но мало ли что не принимали вначале всерьёз. Группа нужна, а, стало быть, будет, и её место в ней».

В раздевалке было белым-бело от халатов. Главный снял свой под табличкой «Главный конструктор», накиннул на плечи, расписался при входе и вошёл в цех. Впрочем, цехом назвать его можно было весьма условно. Сборочный напоминал скорее готовящийся к открытию павильон. Чистота, красивые подставки, сборщики в одинаковых костюмах и сами «экспонаты» – создавали выставочный антураж. Словно всё здесь было подкрашено и подготовлено к съёмке. Но в сборочном не снимали, так было здесь всегда.

Верхний свет был уже выключен. Освещение оставалось только на рабочих местах. И поэтому в цехе было мрачно-вато. По сторонам протянутой через цех дорожки громоздились гигантские шары «Востоков». Они были на разной стадии сборки: голые, в простоте керамической обмазки с темными провалами люков и иллюминаторов и уже оснащённые, блестящие, поражающие сложной красотой.

Появление Главного никого не удивило, его ждали. Когда

он, кивнув, пошёл по проходу, рядом с ним, чуть отставая, двинулись заместитель начальника цеха и ведущий по «Востокам».

Ведущий торопливо докладывал: ...за прошедшие сутки согласно графику сборки объекты...

«Прижилось у нас слово „объекты“, – отметил Главный, – у других говорят „изделия“, в Академии Наук „космические аппараты“. Интересно, что они взгляду со стороны?»

Они прошли через цех. Сопровождающие начали притормаживать, потому что шеренга «Востоков» заканчивалась. За ней крохотный участок межпланетных станций «гибридов», как их теперь называли. Но Главный дальше прошёл и внимательно посмотрел на станции, и остальные посмотрели вместе с ним.

На обратном пути он отдавал распоряжения. Именно для этого он и приезжал сюда до начала работы КБ. В громадном хозяйстве фирмы было немало иных, не менее важных мест. Но КИС¹ и сборочный были особыми, выходными, и ничто не должно было сдерживать выходных работ.

Главный диктовал, ведущий записывал. В одном месте Главный спросил:

– Как на потоке. Не находите?

Зам начальника цеха кивнул, ведущий понимающе посмотрел, хотя слова были странными. Какой поток? В потоке

---

¹ КИС – контрольно-испытательная станция.

не было необходимости. Шли единичные пилотируемые. Но Главному не привыкли перечить: поток, так поток.

– Добавьте людей, вызовите из других смен.

Главного не переспрашивали. Иногда, погромыхивая, подъезжал мостовой кран. Тогда Главный замолкал, и словно чувствуя на себе его взгляд, ритмично трудились сборщики. Но вот один из них замешкался. Приложил деталь к конусу приборного отсека, отнял, снова приложил. Зам начальника цеха беспокойно взглянул, и, понимая бесполезность рефлекторных движений, принял нарочито небрежный вид. Но было поздно: Главный заметил.

– В чём дело?

Кронштейн подходил по месту в двух положениях.

– Почему отсутствует маркировка? Чей кронштейн?

– Датчика угловых скоростей, – заторопился ведущий.

Главный поморщился.

– Вызовите ориентаторов. Проверьте все сборки и доложите по чьей вине.

Плотный людской поток двигался тесной аллеей к проходной. Мокашов шёл вместе со всеми и поминутно оглядывался. Всё в первый раз казалось ему необычным и волновало. Впереди насколько хватало глаз колыхались спины, и он подумал: «Ужасно так со всеми идти и не видеть лиц». Он вспомнил пальцевские слова: «и в столовую будешь строем ходить» и поёжился. За спиной звонкие женские голоса

обсуждали диффузор и конфузор. Наконец, показалась проходная – приземистое здание, обилием рыжих широких дверей напоминавшее пожарное депо. Люди по сторонам шагали солидно. И тут раздался звонок, и все побежали. Мокашов в недоумении посмотрел на часы. «Всего двадцать пять девятого».

От проходной Мокашов шагал с видом первооткрывателя. Первое здание на территории поразило его. Необычное, в земле чуть не по крышу, без окон, в частокоче разнорысоких труб. «Что это? Бункер, стэнд? Но отчего рядом с проходной?»

Разъяснила стрелка-указатель: «К овощехранилищу». «Осторожней, – скомандовал сам себе Мокашов, – поаккуратнее, так и подзалететь недолго».

Между цехов раскатывали кары: жёлтые, полосатые, оранжевые. На нестандартно высоком грузовике повезли что-то огромное, шарообразное, завёрнутое в полиэтилен. В воздухе чуть дребезжало и сипело, и стоял повсеместный слабый звон. На повороте у высокого мрачного с виду здания вырывался из-под земли пар. Но всё это радовало и удивляло, и звуки по сторонам сливались для него в приветственную симфонию.

Кабинщицу крайней кабины проходной звали Леночкой. Она была безусловно хороша той нестойкой прелестью молодости, что даётся часто на время и канет неизвестно куда.

С утра она отдежурила у ворот.

– Закрой кабину и подежурь у ворот, – сказала ей старшая кабинщица.

Она безмолвно встала. «Пожалуйста. Всегда, пожалуйста». Длинноногая, стройная, с подчёркнутым безразличием юного лица. Но внешность, по мнению старшей кабинщицы, не в числе добродетелей девушки. Больше ценилось послушание. «У ворот, так у ворот». Машин с утра было мало, только проехал зим Главного, и он – или это ей только показалось – внимательно взглянул на неё.

«А что? Есть на что посмотреть». Она говорила о себе: «девочка-картинка». Когда с Наташкой, подругой, они идут по территории (в форме – зелёненькие, точно попугаи – неразлучники), многие оглядываются. Наташка – тоже хорошенькая, и ещё в школе их дразнили: принцесса белая и принцесса чёрная.

Когда пошёл основной поток, она вернулась в кабину. К работе кабинщицы она привыкла не сразу. Мелькание в первые дни доводило её до обморока.

– Терпи, невеста, – говорила ей старшая кабинщица, – работа у нас – не пыльная, а погляди – кто мимо идёт? Инженера, кандидаты. Где ещё с ними познакомишься? На вечеринках, на танцах? Только они на танцы не ходят, у них занятые вечера.

Она и сама видела: вечерами окна КБ – сплошная иллюминация, и ей казалось, что там, за окнами – необычная чу-

десная жизнь. Но ей неплохо и здесь. За широким стеклом кабины она точно в раме портрета. Один ей дядечка так и сказал:

– Здравствуйте. Как дела, мадонночка?

Но что за несносный характер? Освоилась и потянуло куда-то.

– Куда? – говорила ей старшая кабинщица. – Не понимаешь ты, девка, своего счастья. Ну, хорошо, возьмут тебя в КБ, и будешь цельную жизнь одну и ту же гайку чертить, пока не станут руки дрожать и не появится у тебя лысина. Не веришь? Говоришь, не бывает? Хочешь, покажу? Конструкторша старая и с плешью.

Поток проходящих проходную оборвался точно по звонку, и для кабинщиц наступило время бумаг, микроканцелярщины, предшествующей передаче дежурств. Вот-вот она сменится, забежит в столовую и спать, – подумала Леночка. – Ненормальная всё-таки у неё жизнь, как у совы.

В кабине напротив колдовала Наташка. Леночка заперла свою. Зашла к подруге. Поправила волосы. Там в глубине кабины, в уголке – невидимое со стороны зеркальце.

– Сегодня ко мне такой глазастик пришёл, – сказала она, поворачиваясь перед зеркальцем, – не знаю, новенький или из другой кабины перевели? Чудо прелесть какой. Личико нежное, глазища огромные, серые. Совсем, – говорю, – что ли не соображаете? А он губы надул, брови насупил. Так бы и

расцеловала при всех. За ним очередь волнуется. Звонок-то был. Записать, чтобы не важничал?

– Ты мне его покажи.

– Ещё чего.

– Ревнуешь, глупенькая, и вправду втрескалась. Знаешь средство от любви с первого взгляда? Взгляни второй раз. Ты ему позвони. Узнай отдел и через справочную.

– Очень надо.

Звонить она, конечно, не стала, а отдел посмотрела: двадцать пятый. Фамилия Мокашов. Борис, Боря, Боренька.

Корпус три Мокашов отыскал довольно-таки просто. Заблудился (вот уже действительно в трёх соснах), выбрался без посторонней помощи и, поднявшись на четвёртый этаж, отыскал кабинет начальника отдела Викторова².

– Вы по какому вопросу к Борису Викторовичу? – спросила его круглолицая секретарша.

– На работу, – живо ответил Мокашов, – по распределению.

– Подождите, – попросила секретарша, – товарищ с тем же.

И она указала на высокого человека лет тридцати, беседовавшего у окна. В глаза прежде всего бросалась его выразительная жестикуляция, да притаившаяся в уголках губ иро-

---

² Викторов – газетный псевдоним Бориса Викторовича Раушенбаха. А Сергей Павлович Королёв печатался под псевдонимом профессор Сергеев.

ния и к окружающим и к себе. Собеседник его был невысок, высоколоб, на редкость смешлив.

– Захожу я с этим заявлением к Петру Фёдоровичу, – рассказывал высокий. – Документик этот требуется подписать, говорю. А он очки надел, читал, читал. Если вы из-за денег, говорит, то не советую. Точно нужен мне его паршивый совет.

– Вот и выявил ты попутно своё лицо, – рассмеялся высоколобий. – Только это, оказывается, и не лицо, а совсем иная часть тела.

От студенческих лет у Мокашова осталась привычка находить во встречных черты животных. Так, высокий напомнил ему рыбу. «Рот у него такой, – догадался Мокашов, – тонкий, концами вниз». Собеседник его короткой, подрагивающей при смехе губой отчётливо напоминал сайгака.

– Сейчас вы пойдёте, Вадим Палыч, – сказала ему секретарша, и он согласно кивнул.

– Так чего ты уходишь? – спросил он высокого.

– Юмора не хватает, – ответил тот и руками показал. – Смотрю я на ваши кульбиты и не смешно. А не смешно, следовательно, сам понимаешь, тошно. Я уже...

В этот момент дверь в кабинет отворилась, и Вадим Палыч, кивнув, пошёл.

– Оформляйтесь на работу? – спросил Мокашов высокого.

– С точностью до знака, – небрежно ответил тот. – Маша, я тоже зайду.

– Входите, входите, – закивала секретарша, и Мокашов вошёл следом.

– Садитесь, пожалуйста.

Они сели, и Мокашов стал рассматривать кабинет. Кабинет, как кабинет – ничего особенного. Над огромной, во всю стену грифельной доской часы в деревянном футляре. Вдоль стены длинный полированный стол. Впритык к нему небольшой письменный, с малиновым сукном и плексигласом сверху.

На столе ничего лишнего. Папка с бумагами на подпись. Под плексигласом список телефонов. Точёные карандаши в деревянном стаканчике. На столе крохотный листочек бумаги, на котором начальник отдела Борис Викторович Виктор размечал ритм своего дня. Перекидной календарь с пометками и бумага, на которой пишет БЭВэ. Так его зовут за глаза в отделе, сокращая имя и отчество.

Когда он пишет, то наклоняет голову к плечу. У него большая красивая голова, а глаза – холодные, внимательные.

– В КИСе вам делать нечего, – говорит он стоящему перед ним Вадиму Павловичу, – только мешаться будете.

– Мы же совсем объекта не видим, – возразил тот. – Рассчитываем, управляем в полёте, а как он действительно выглядит, не представляем.

– А зачем видеть? У вас должно быть воображение. Думаете, физики видят электрон? У вас всё?

– С понедельника испытания, Борис Викторович.

– Какие испытания? – Викторов откинулся на спинку стула, посмотрел испытующе. – Испытания чего?

– «Узора». От отдела требуется представитель.

– Разве мы записаны?

– А нас все, кому не лень, записывают. Мы в графике.

– Я его не визировал.

– Стало быть, Пётр Фёдорович подмахнул.

Викторов повернулся к тумбочке в углу, нажал кнопку звонка. Открылась дверь и выглянула секретарша.

– Соедините меня с Иркиным.

– Хорошо, Борис Викторович.

– Это Викторов говорит. Оказывается, мы записаны в испытания «Узора». Помните? От нас выделен кто-нибудь?... Нет. От нас требуется учёный еврей на всякий случай... Теоретики не подойдут. Они же, наверняка, не знают, что железо ржавеет. Оставят, скажем, прибор под дождём. Нужен инженер с организаторским уклоном. Хорошо... Иркин выделит человека. Свяжитесь с ним.

– Хорошо, Борис Викторович.

– Подписали, Борис Викторович, – поднялся высокий, – заявление моё?

– Так куда вы собрались?

– В комитет.

– Наш?

– Да.

– Значит, бумажной крысой станете?

– Это, как говорится, Борис Викторович, кесарю кесарево, а богу божье.

– Ну, что же, – встал из-за стола Виктор, отошёл к окну и продолжал, глядя на просвечивающее сквозь сосны шоссе.

– Удержат вас нечем. Из комсомола вы выбыли, в партию не вступили. Жилплощади не получали. Скучать не будете?

– Работа везде работа.

– Ну, хорошо, передавайте дела. Заявление ваше, считайте, я подписал.

Зазвонил телефон, заполняя неловкую паузу. Затем серые холодные глаза Викторова остановились на Мокашове. Он встал и молча положил переводку на стол. И снова дверь отворилась, и явился Вадим Палыч. «Попроше нужно, – решил для себя Мокашов, – какой он Палыч? Просто Вадим». Вместе с Вадимом вошёл мужчина постарше. Он появился, небрежно рассматривая бумаги на ходу. Видимо, вход в кабинет для него в отличие от остальных был свободным. Увидев Мокашова, он остановился и вопросительно посмотрел на него.

– Иркина, вот, привёл, – пояснил Вадим, – воздействуйте.

– В сборочном цирк, – начал Иркин безо всякого предисловия. – Кронштейны ДУСов не маркированы. Вопрос не наш, к конструкторам. Мы не причём. Не дошло ещё до вас, Борис Викторович? Это я, так сказать, – голос снизу, сейчас и сверху дойдёт.

– Отпустите меня, – взмолился Вадим. Но они не обрати-

ли на него внимания.

– Вопрос конструкторский, но поднимется крик: отчего не интересуетесь?

Иркин разгуливал по кабинету, косолапил, сутулился. Выглядел он настоящим медведем, но улыбался по – лисьи, с хитрецей.

– «Узор», – говорил он уверенно, – выдуман целиком и полностью. Он для теоретиков. Я за стирание граней между умственным и физическим трудом. А у прибористов катастрофически не хватает людей.

– Вам нужны молодые специалисты? – перебил его Виктор.

– Вы же знаете, Борис Викторович, – ответил Иркин мягко и тихо.

– А вам, Вадим Палыч?

– Молодые, – откликнулся Вадим, – ещё не значит, что специалисты.

Все посмотрели на Мокашова.

– Первый вопрос анкеты, – сказал Вадим, – в шахматы играете?

– Играю, – осторожно ответил Мокашов.

– Тогда, простите, – развёл руками Вадим, – это по определению наш человек.

– Откуда вы к нам? – поинтересовался Виктор.

Мокашов объяснил, пожалуй, чуточку подробней, чем следовало. Тогда Виктор взял за голову, покрутил ею, не

отнимая рук, сказал в неповторимой викторовской манере:
– И кого только у нас нет.

Знакомство Мокашова с отделом завершилось в несколько минут.

– Теоретики, – толкал Вадим очередную дверь, – считают себя чрезвычайно умными людьми, хотя и совершенно напрасно... А здесь прибористы, иначе практики. У них в мозгу поменьше извилин, зато в руках постоянный рабочий зуд. Им просто не терпится воплотить то, что рождается в светлых теоретических головах.

Вдоль стен комнаты тянулись грубые лабораторные столы. На них громоздились осциллографы, криостаты, тестеры; распластывались коричневые панели в разноцветных сопротивлениях с серебряными паутинками схем.

– Воплотить не то слово, – отозвался один из прибористов, паявший в углу. Остальные работали, не поднимая голов.

Приборист был весь перебинтован: руки и голова. Края бинтов были прилеплены пластырем.

– Не воплотить, только убедиться, что всё, предложенное теоретиками – чушь и бред и предложить то, что и имеет место быть.

– С соображаловкой у них не очень, – вздохнул Вадим, – именно, имеет место быть. Однако начальство их любит. Этому даже ошибочно орден выдали.

– Вижу, не даёт тебе покоя мой орден, – сказал приборист, – могу походатайствовать, чтоб и тебе разрешили его носить. По праздникам.

– Давай, – рассмеялся Вадим, – ходят слухи, что ты «гибрид» в скутер переделываешь. Речевое управление...

– А как же. Управляется, когда материшь. До вас квитанции не доходят, когда я вас матерю. Точности посчитали?

– Ты же знаешь, – замялся Вадим, – «Сапоги»...

– Не знаю и знать я не хочу, – отрезал приборист, – смотри, ведущего наведу.

Они прошлись по немногим отдельским комнатам.

– Тесно у нас, – вздыхал Вадим, – расширяемся при постоянном объёме.

С территорией Мокашов знакомился у окна. «Это наше, – говорил Вадим словами Ноздрёва, – а там за трубой... тоже наше. КИС, видишь серое здание, у нас там стенд. Дальше крыша зелёная, перед столярным... и там наш стенд в бывшем гараже».

– Зачем столярный? – удивлялся Мокашов.

– А ящики, тара, как правило, нестандартная и всегда под рукой. Куда тебя посадить? Хорошо бы к «сапогам». Место для сектора сбережь. Постой-ка, я мигом.

И Мокашов остался один. Светло было только здесь, у окна, а коридор сгущался темнотой. В нем возникали неясные тени. Чаще других на границу света и тени выходил пожилой мужчина с расплывшимся бабьим лицом. Он был цели-

ком в зелёном: френче и брюках, и каждый раз вглядывался в Мокашова.

«Игуана, – отметил про себя Мокашов, – большая, бесформенная и бегаёт на задних ногах. Но за проворство приходится расплачиваться, и она останавливается, принимая нелепый и важный вид».

Вадим задерживался.

«Игуана, – думал Мокашов, – старая, морщинистая и щеки обвисли, на манер кулис. Будто его сначала надули, а затем чуточку спустили, оттого и подобный вид».

– Пошли, – появился Вадим, – уплотняем «сапогов».

И они двинулись в коридорную тьму.

– Вадим Палыч, – плаксиво раздалось за спиной, – я вас повсюду ищу.

Они обернулись. За ними стоял все тот же мужчина с бабьим лицом.

– Знакомьтесь, Пётр Фёдорович. Это наш новый сотрудник – Мокашов. Не знаю, правда, отчего мне приходится знакомить вас?

– Вот именно.

Игуана втянула воздух. Внутри неё что-то заколыхалось.

Спустя полчаса Мокашов шагал знакомой аллеей. Прав был Палецев, предупреждая: «Только не сделайся мальчиком на побегушках, мальчиком подай-поднеси. Для битвы. Сразу же о себе заяви: Я, мол, Ньютон второй, Ньютон Се-

конд». Как он разволновался, когда Вадим сказал: «Есть тут срочное задание», подумал: справится ли? А его отправили в столовую. «Подежурь, – напутствовал Вадим, – все через это прошли». И он плелся в столовую, бормоча себе под нос: вы меня не знаете, вы меня ещё узнаете.

Пусто было на территории и далеко видно впереди. Вот вддали показалась тоненькая фигурка. Девушка в защитной форме. При ходьбе её чуточку покручивало. Это делало походку красивой. Масса мелких движений усложняли её.

Они поравнялись. От тени сосен лицо её показалось нефритовым. Внезапно оно преобразилось, вспыхнуло. Он вспомнил утро, поток, проходную и девушку за широким, точно в раме, стеклом.

Он сделал несколько шагов и оглянулся, и девушка оглянулась на него.

Вереница черных машин вырвалась на прямую вдоль стены сборочного. На передней ехал Главный. Он морщился. Хожение в урочное время по территории неприятно поразило его. Он чувствовал себя словно хозяйка, обнаружившая пыль при гостях в обычно прибранной квартире.

Совет Главных конструкторов на этот раз был собран в его КБ. На это были причины. Его собирали «ближе к делу» каждый раз, но в этот – многое зависело от родимых стен.

Дело, начатое им практически с нуля, неудержимо разрас-талось, и время от времени приходилось укоренять разрос-

шиеся побегии. На этом Совете обсуждалось выделение автоматических станций.

«Передать автоматы, сосредоточиться на пилотируемых». Он сам поставил этот вопрос, но поднималось и старое: «Ваше дело – ракета. Без неё все эти спутники – игрушки без ёлки. Только мощная ракета откроет новый этап». Словно сам он этого не говорил. Но передать пилотируемые – значило затормозить полёты на годы. Ведь у нас теперь кадры, опыт. Или мы не справляемся?

Выступая, он сказал:

– Пилотируемые у нас на потоке.

Он не терпел хозяйского: у меня, моё. Он повторял: у нас, мы участники общего труда. Сам Совет Главных сделался уважаемым именно его заботами. Впрочем, работать на космос стало почётно, и потянулись руки к сладкому пирогу. Даже те, у кого ничего не было за душой, стремились состоять при космосе.

В перерыве между заседаниями он намеренно повёз гостей в сборочный показывать.

В раздевалке надевали халаты, расписывались, затем сгрудились в крохотном тамбурочке, «предбаннике», где стоял вахтер. От цеха теперь их отделяла матерчатая занавеска, повешенная здесь на случай, чтобы зашедший по ошибке, не увидел цех.

– Прошу, – сказал Главный и отдёрнул занавеску.

И всех оглушил грохот. Вспышками блицев сверкала

электросварка, длинная шеренга объектов протягивалась через цех. Возле них трудились сборщики в одинаковых кремовых костюмах. Комиссия двинулась через цех.

Столовых на территории КБ было несколько. Основная возле проходной в двухэтажном здании; «стекляшка» за садом и раздаточная, именуемая в просторечии «обжоркой» или «помойкой», в полуподвале конструкторского здания. Дежурили по очереди в основной.

На этот раз выпало расчётной части двадцать пятого отдела, теоретикам, и началось.

– Не пойду, и не почему-то, а из принципа. Я морально к этому не готов.

– Причём тут морально? Этого нет в колдоговоре.

– А я считаю, что так и при коммунизме будет: поработал, обслужи других.

Словом, все как обычно: сначала трёп, затем теоретики составили график: дежурить всем, но по полчаса. В столовой прямо-таки обалдели. Садился, скажем, к корзине с картофелем бородастый, весёлый, а продолжает молчун с детски розовым лицом, и чан начищенной сдавал лысый, солидный, такого постеснялись бы посадить за картошку. В столовой этому посмеялись, но случился общественник – проверялка и поднялся шум. Дежурство отделу не было засчитано.

В столовой Мокашову сказали: делать покамест нечего, приходи через час. Он ещё потолкался и отправился назад,

и по дороге вновь встретил девушку из проходной. Остановились.

– Бог троицу любит. Сегодня третий раз встретились, – начал было Мокашов.

– Когда дежурю, – отвечала она, – и десять раз встретимся. Но тут завизжали тормоза. Из остановленной рядом машины выглянул мужчина с широким рассерженным лицом.

– Гуляешь? – строго спросил он девушку.

Кто он ей? Родственник? Пожалуй, все здесь – родственники, в этом маленьком городке.

– Отдежурила, со смены иду.

– Не болтайся без дела по территории. Отдежурила, отдыхай. Зайди ко мне в конце дня. Знаешь куда?

– Найду.

И властный взгляд упёрся в Мокашова.

– Пропуск.

Мокашов достал новую картонку пропуска.

– Должность?

– Инженер.

– Давно работаешь?

– Первый день.

Это позабавило незнакомца.

– Хочешь быть уволенным в первый день? Садись в машину.

КИС поразил Мокашова простором напоенных светом

пространств, странными телами объектов. В проводах, через вспомогательные сооружения они так же мало походили на себя, как намазанная перед сном женщина, в халате, с бигуди в волосах на утреннюю красавицу.

В центре зала космонавт в оранжевом скафандре погрузился в огромный металлический шар. За перегородкой лёгкого ограждения из объекта вынимали прибор, и склонившиеся над ним люди в белом напоминали кинематографических хирургов.

Объяснять особенно не пришлось. Незнакомец властно ходил по проходу, только раз он спросил Макашова:

– Не мешает эта каракатица?

«Каракатица» напоминала буровую, подвешенную за верхушку к потолку.

– Мешает, – неуверенно ответил Мокашов. Он отстал и тут же услышал шёпот за спиной:

– Что сказал Главный про стенд?

– Какой-такой главный? – удивился Мокашов.

Видя, что Главный вернулся, заместитель начальника сборочного улыбался только по привычке. Не очень-то здорово получилось. Наташили чёрте-чего и что совсем ни к чему – сварочные аппараты. Смены, закончившую и заступающую, свели в одну. Он сам расставил людей, находя в этом странное удовлетворение. Работу цеха не видели со стороны и захотелось показать товар лицом.

Подготовились, поджидали комиссию. В раздевалке оставили караульщика, наказав ему по прибытию комиссии врубить яркий верхний свет. Но время шло, ждать надоело и не работавшие устроили перекур. Сам караульщик, заждавшись, вышел из цеха посмотреть: не едут ли? И в этот момент наехала комиссия.

Караульщик потом оправдывался: Не полезу же я поперёд Главного. Словом, всё пошло наперекосяк.

Но есть, есть всё-таки бог. Зам начальника цеха, разогнав всех по рабочим местам, решил проверить сигнализацию, и яркий свет вспыхнул в сборочном в том самый момент, когда Главный отдернул занавеску. И тотчас раздался грохот, словно перкалевая занавеска могла заглушить его до сих пор. Вблизи на глазах комиссии демонстрировались тонкие операции, а подальше просто били в металл. И Главный всё время морщился.

Теперь, выступая ему навстречу, зам начальника ёжился. «Зачем, – закричит сейчас Главный, – устроили балаган? Я же просил – добавить людей, а притащили сварку и грохот стоял, как на танкодроме».

Он делал последние шаги, глядя Главному прямо в глаза. – Были ориентаторы? – Спросил Главный неожиданно мягко.

Зам начальника цеха вздохнул и ответил обычным тоном: – Ожидая с минуты на минуту. Разрешите отпустить лю-

дей?

В сборочном Иркина поразила странная картина. Раздевалка была полна народа, словно смена кончилась, а в цехе в конце ковровой дорожки стояла группа. Причём стояла не там, где ей, казалось, сам бог велел, у пилотируемых, а возле участка сборки межпланетных автоматов, «Венер» и «Марсов», именуемых после объединения в документации «МВ».

Он подошёл с осторожностью, чтобы краем уха услышать и не попасться на глаза. Но тут группа развернулась, и он оказался на виду. В центре каре стоял Главный, а рядом (что было просто удивительно) сегодняшней новичок. Он очень небрежно стоял, всем видом своим подчёркивая, что если там наверху, в отделе Иркин может что-нибудь и значил, то тут совершенно иное дело.

«Детей начали пристраивать», – подумал Иркин с горестным недоумением, но размышлять, а тем более удивляться было некогда.

– Так, – сказал Главный хмурясь, – явление Христа народу. Те же и Иркин, двадцать пятый отдел.

Когда он так говорил на публику, ожидать хорошего было нечего.

– Я полистал записи в КИСе. Двадцать пятый отдел не записывался. Чем это объяснить?

– А это, – облизал губы Иркин, – очень просто. До электрических испытаний работали в режиме вызова. Не вызы-

вали и хорошо.

– Так, – произнёс Главный, – все слышали? Вы, видимо, меня не поняли. Я посмотрел записи за год, и ваших, так называемых теоретиков в КИСе в глаза не видели.

– Да, – кивнул Иркин, – теоретикам в КИСе делать нечего, у них иное образование.

На миг в цехе повисла напряжённая тишина.

– Тогда для чего мы строили стенд? – взорвался Главный. – Теряли деньги, занимали помещение, которого так у нас не хватает.

Не всякий рискнул бы теперь ответить Главному, но Иркин был из отчаянных.

– Все очень просто, – торопливо ответил он. – Строили, а тем временем техника ушла вперёд, научились считать, появилась теория. Кроме того проверять всё – не хватит рук. Мы посчитали: отдел ведёт около пятидесяти систем. В отделе – семьдесят человек. Так что по полтора человека на систему, включая секретаря и кладовщицу. Уверяю, всё это пойдёт за счёт качества.

– За качество вы ответите, – хлётко сказал Главный, – и почему я не слышу от вас иных предложений, кроме как подождать, оттянуть? Нужно посмотреть ещё, как вы влияете на коллектив? Вы его размагничиваете.

– Это он здесь, – счёл нужным вмешаться зам начальника цеха, – а в коллективе он – орёл.

– И держитесь везде орлом, – насупился Главный. – Ду-

маете, орёл орлом только в полёте? А в гнезде хнычет, жалуется, клянёт судьбу? Что у вас с кронштейнами?

– Это не у нас.

– Я вас серьёзно предупреждаю. Опять вы за своё.

Первый день запомнился Мокашову разговорами, ощущением, как ему повезло, удивительной отдельской газетой, тем, как ему показали в столовой: вот тот лысый, что дежурит в гардеробе – лауреат и доктор наук, и тем, что сказал ему под конец Главный.

– Сразу лучшим не станешь, но и ведущим в своём деле – тоже не плохо. Смотри.

Они стояли на центральной аллее. По сторонам, точно в почётном карауле выстроились портреты передовиков. Лица их выглядели настороженными, будто они вслушивались в разговор.

– Попасть в этот ряд – не просто. С виду они – обычные люди, а по делу – настоящие храбрецы... Аллея всех храбрецов. Постарайся попасть в неё. И не болтайся без дела по территории. Желаю успеха, комсомол.

Остаток дня Леночка промучилась. Зашла было в парикмахерскую, правда, без толку: полно народа, и дома не смогла заснуть. Лежала, думала. Что она Главному? Понравилась? Это ведь естественно. Вот дядечка в проходной повторял «мадонночка», а потом притащил цветы. Она его при

всех отчитала: «Что я по-вашему помоложе не найду?» Но молодые ей вовсе не нравились: глупые и позволяют много себе, а девушка, как минёр, говорила ей старшая кабинщица, ошибается только раз.

Она уложила волосы, подкрасилась и не в силах выдержать тянучки времени, решила пройтись. Бродила по улицам до тех пор, пока они разом не наполнились людьми. Тогда она отправилась в КБ. Кабинет Главного размещался в доме с башенками, на втором этаже. Секретарь всем заходящим говорила:

– Сергей Павлович читает почту.

Все поворачивались и уходили, но Леночка не ушла.

– Велел.

Секретарша ей просто не ответила. «Вам же сказано, – было написано у неё на лице, – Сергей Павлович занят. Впрочем, дело хозяйское».

Леночка толкнула дверь. За ней оказалась вторая. Она и её открыла и вошла. Кабинет был большим, словно спортивный зал. Прежде всего в глаза бросился длинный стол. Главный сидел не за ним, а за маленьким, в углу.

Головы он не поднял, поморщился: когда привыкнут к порядку? Решение Совета Главных лежало перед ним. Вот уж этот Совет. Успех разом порушил всё. В Совете появилась червоточина.

Решение его устраивало, в нём было только об автоматах. Межпланетные станции были песчинкой в море его забот.

Но он не делил объекты на сыновей и пасынков, и отдавать автоматы значило для него то же, что отдавать в люди своих детей.

Главный вздохнул и угрожающе поднял голову. Леночка – розовая и испуганная стояла у двери.

– Проходи, садись.

Лицо его расправилось. Она неловко села.

– Сосватать тебя хочу.

«Сосватать, ещё чего? – она его разглядывала. – Лицо доброе, усталое. И для чего он держит у себя эту воблу засушенную? – подумала она о секретарше. – Такие, с виду добренькие учительницы, на самом деле – тиранши жуткие».

– ...пора объекты одевать по моде...

– О чем это он? – Начало она прослушала.

– ...одежду шить спутникам...

Ей тотчас вспомнилась соседская собачонка. Зимой её выводили гулять в тулупчике. В таком тулупчике-комбинзончике с рукавчиками-пуговичками. Одежду? Что она – дурочка?

– ...хочешь работать там?

Леночка выпятила нижнюю губу.

– Ни за что.

– Подумай.

– Сказала – отрезала, – ответила она в сердцах.

– Хорошо, ступай.

«Так она не уйдёт. Извини-подвинься».

– Нет, – сказала она с отчаянием, – хочу в конструкторский.

«Чудачка, – подумал Главный, – решила – дадут ей метр и ножницы. Хорошенькая, а что спрятано за красотой? Какое материальное свойство? Должно быть – здоровье».

– Это и есть конструкторский.

– Тогда я – согласная.

– Хорошо, иди.

Дверь затворилась. «Чудачка, – улыбнулся Главный. Затем вытянул листок с шапкой «Приказ по предприятию» из кипы подобных листков и написал крупным разборчивым почерком: «В целях упорядочения работ по конструированию теплозащитных покрытий создать группу в составе...»

Глава третья

Солнце косыми лучами проникало сквозь листву в комнату. Женщина одевалась перед зеркалом, дурачилась, разговаривала сама с собой. Натянула чулок, поглядела на себя в зеркало. Зеркало было необычным, высоким и отражало всю её красивую, полураздетую.

– Хорошенькая ножка, полненькая, – сказала она дурашливым голосом, – а коленка тупа.

«Это Славка сказал: ужасно, когда женщина вся тупа, начиная с колен. Но Славка – болтун». Она повернулась перед зеркалом, придавая лицу то наивный, то серьёзный вид.

– Я больше так не могу, – произнесла она жалобным голосом, – и хочу в Москву.

«Зачем? Затеряться в большущем городе, не быть у всех на виду, отдохнуть, наконец, от нелепой моды (зимой здесь носили белые, а летом черные чулки) ... Чудесное все-таки получилось зеркало. Ведь сколько она просила мужа, но он после работы – выжатый лимон. А почему? Опьянять себя можно по-разному: вином или работой, но всё это – ненормальная жизнь. Она решилась и сама отыскала мастера в дачном посёлке. Презабавного старичка, прозванного «Стаканычем». Он сделал быстро и недорого взял. И рама для зеркала открыла ей полосу самостоятельности.

Стекло было дорогое, и рама вышла ему под стать. И вот

она в зеркале – красивая, улыбающаяся, чуточку грустная и ненужная никому.

Она оглядела другую ногу в чулке и ахнула: поехал. По ноге тянулся заметный светлый след.

– Ин, ты готова? – спросил через окошко муж.

Машина тарахтела за углом.

– Нет и нет, – ответила она.

– Я больше ждать не могу.

– Так поезжай.

– Но я действительно не могу.

– Поезжай, поезжай.

– Пока. Не пей много кофе.

– Кофе – моя единственная радость.

Она наклонила голову, и волосы хлынули блестящим потоком ей на грудь.

– Я больше так не могу, – произнесла она очень печальным голосом.

Затем на цыпочках сходила в соседнюю комнату, достала из шкафа трепещущий чулочный ком, подобрала чулок по цвету, перенесла телефон и, пристроив его на коленях, снова уселась перед зеркалом, закалывала волосы и набрала номер.

– Славочка, не пугайся, это я, – сказала она отчего-то шёпотом, – доброе утро. Ты с утра способен на подвиг? Подвези... Причём тут муж? Не хочу с мужем, хочу с тобой... Умница. Жду на повороте. Салют.

Теперь у неё оставалось время одеться, спокойно выпить

кофе и посмотреть на спящего Димку, оставляемого на соседку на целый день. Славка приехал весь забинтованный, усадил её в коляску, заставил каску надеть.

«Хорошо, как она не догадалась? Удастся сберечь причёску». Она говорила вслух:

– Сколько раз я тебя просила: продай свой драндулет.

– Это ты о бинтах? – пытался перекричать ветер Славка. – Так они не от этого. Они от тебя защита. От твоего излучения.

– Молодец, Славочка, умница. Один мне комплименты говоришь.

А Славка кивал, делал бешеные пируэты и нёсся во весь дух.

К проходной они подкатили со звонком. Инга юркнула в одну из дверей, но пока Славка устанавливал мотоцикл, поток входящих закончился.

Народная мудрость гласит: «лучше опоздать на тридцать минут, чем на тридцать секунд». Поэтому Славка торопиться не стал, сказал себе: «не суетись», установил мотоцикл и отправился в дверь рядом, в бюро пропусков, где в особой кабинке был внутренний телефон.

В восемь тридцать на всех этажах КБ зазвонили телефоны. Рабочий день начался. Звонили о разном. Заместителю начальника двадцать пятого отдела Невмывако позвонили из кадров.

– За вами список дежурных в столовую. Не забыли?

Невмывако возмущённо затряс головой. Массу времени отнимают такие невинные с виду звонки.

– Ошибаетесь, мы своё отдежурили.

Ещё звонок.

– Пётр Фёдорович? Беспокоят из спецотдела. Ваши сотрудники на проверку портфелей не идут.

– Диктуйте: кто?

Так он и знал: теоретики. Кому из нормальных людей придёт в голову назвать себя теоретиком? Инженер – хорошо, научный работник хуже, но куда ни шло. Учёный – плохо. Сказать о себе: я – учёный, всё равно, что я – умный и к тому же скромный. А тут пол отдела чуть ли не официально именуется теоретиками.

Снова звонок.

– Двадцать пятый? Это опять насчёт столовой. Что вы, простите за выражение, мозги полощите? Дежурство вам не засчитано. Причём с ним вы у Главного на карандаше. Так что реальный совет вам – мыть шею.

Невмывако вздохнул. Стоило ему остаться одному в отделе – и пошло – поехало. Двадцать пятый был новым отделом в КБ, и Невмывако новым человеком в отделе. Поговаривали, он где-то на чём-то погорел и попросился на горяченькое. Детали, впрочем, никто не знал и не интересовался. Не до этого.

Отделу на первых порах он показался непревзойдённым

хозяйственным гением. Сменил у расчётчиц грохочущие счётные машинки «Рейнметалл» на электронные, бесшумные. Навёл порядок на складе. Его заботами смазали скрипящие отделские двери и заменили расхлябанный паркет. Он произвёл массу мелких реорганизаций, завёл журналы отлучек и дежурств. А сам всё это время приглядывался.

Его вмешательство на первых порах в отделскую жизнь не встречало сопротивления. С ним не спорили, но всякий раз (в этом он убеждался задним числом) поступали по-своему. Он делал вид, что всё идёт своим чередом, и ждал случая.

– Машенька, – попросил он секретаршу, – Вадима Павловича ко мне.

Пока того разыскивали, сунулся было техник со служебной на вход.

– Кому? – удивился Невмывако. – Терехову? Зачем служебная? Он обязан быть на месте.

Вадим Павлович появился через полчаса.

– Искали, Пётр Фёдорович? – улыбался он.

– Не то слово, Вадим Палыч. С ног сбились, разыскивая.

Вынужден сделать вам замечание.

«Хоть два», – было написано у Вадима на лице, но вслух он сказал:

– Слушаю вас внимательно.

– Почему вы в журнале не фиксируетесь?

– Да, если я стану, как вы говорите, фиксироваться, ника-

кого журнала не хватит, или понадобится журнал с Большую Советскую Энциклопедию.

– Так, – покачал головой Невмывако, – а почему ваши сотрудники на проверку портфелей не идут?

– А хотите, Пётр Фёдорович, я прикажу им совсем не брать портфелей и проверять будет нечего?

– У вас обедают в рабочее время.

– Извините, в обед прорва народа. Мы прохронометрировали и отыскиали окно, обедаем за пятнадцать минут, а отрабатываем в обед.

Невмывако покачал головой: знаем, как вы работаете в обед, но спорить не стал.

– Дежурство отделу не засчитано. Выделите на сегодня дежурного в столовую.

– Что же это такое? – горячился Вадим. – Сколько можно? Столовая, стройка, совхоз, дежурство по городу?

– О стройке не надо, очень вас прошу. – попросил Невмывако слабым голосом, – вы лучше мне объясните, что такое теоретик?

– Пожалуйста, рада бога, пожалуйста, – горячился Вадим, – был, например, такой теоретик Эйлер. Слеп и уже по памяти написал теорию движения Луны. И ни прибавить, ни убавить. Мы пользуемся. И ещё массу томов. Причём не просто ля-ля, а сложнейшей теории. И ему в своё время так же мешали, вставляли палки в колёса.

– Вы, наверное, меня слепым считаете?

– Эх, Пётр Фёдорович, – вздохнул Вадим, – не было вас и так было хорошо.

Старшего инженера отдела Станислава Терехова повсюду называли Славкой. Он и сам так по телефону звонил: «Это Славка Терехов, из двадцать пятого». До фирмы довелось ему поработать на авиационном заводе, отчего он к месту и не к месту повторял: «Вот у нас в авиации». Получить служебную на вход ему ничего не стоило. Он мог позвонить в соседний отдел или в КИС. Однако зачем в соседний? Он снова набрал свой номер. Ему ответили:

– Невмывако психует, а больше начальства нет.

Оставалось действовать на свой страх и риск. В проходной дежурила девушка со смазливym личиком. Он как-то её обидел, мартышкой назвал, но это было давно.

– Девушка, – улыбнулся Славка, – пропустите инвалида.

В здравпункт иду.

– Ваш бюллетень?

– За бюллетенем и иду. Доступно?

Девушка оглянулась. Из глубины кабины выплыла старшая кабинщица.

– Чего торгуетесь? Опоздали? Запиши.

И Леночка записала.

Славка был расстроен. Надо же. В КБ с опозданиями не шутили. Придёт бумага в отдел и начнётся: обсуждения, объяснения. Затем отдел лишат премии, а его фамилию начнут

склонять на каждом углу. И даже нормальные станут сочувствовать. Такой, мол, опытный и надо же. Как тебя угораздило?

Правда, завтра или послезавтра, а скорее всего через пару дней всё это далеко отлетит от него – начнутся кисовские испытания. Он перестанет появляться в отделе и само деление на день-ночь делается для него условным. После КИСа обычная жизнь выглядит тягомотиной. Но всё дело в том, что до сих пор ему, основному исполнителю не оформили вкладыш круглосуточного прохода. Сколько он просил:

– Пётр Фёдорович, как дела с вкладышем?

– Нормально.

– Что значит нормально? КИС на носу. Пойдут испытания, вас будут с постели поднимать.

– А не пугайте, – отвечал Невмывако. – Поднимут, а у меня, может бессонница и мне просто приятно сходить в КИС. И не морочьте мне голову. Получите вкладыш вовремя. Работайте.

«Собачья рожа, – ругался про себя Славка, – свалился на нашу голову».

Под кисовскую работу оформляли вкладыш на полгода, хотя она занимала от силы пару месяцев.

По объектам в КБ работали малыми силами. Сроки были дикими. За полгода порой проходилась путь от идеи до полёта. Спасала молодость. Людям постарше напряжение напоминало войну, но война была в крови и у славкиного поко-

ления.

«Гибрид» по-прежнему требовал внимания. Объединение «Марсов» и «Венер» влекло за собой множество согласований. А ведь известно – чуть тронь, задень любой вопрос, и всё, как куча песка, приходит в движение. Вот закапризничали «сапоги», и стало невмоготу. Отдел постоянно лихорадило. Начальство считало «Гибрид» теперь требующим дежурного внимания, занимаясь в основном пилотируемыми.

В обычной жизни Славка был отчаянным мотоциклистом и нередко ходил в синяках и царапинах, но в этот раз в воскресенье на водохранилище, на скутере он дал газ вместо тормоза и летел через пирс. Тело его теперь состояло из сочленения болезненных мест, но бинты вызывали смех.

– Чудак, – уверял Вадим, – тебе теперь любой документ ничего не стоит подписать, а выйдет загвоздка, начинай разматывать бинты с головы. А под бинтами, как у человека-невидимки, ничего нет.

Появившись в отделе, Славка спросил:

– Звонили?

– Срочно к Петру Фёдоровичу.

– Обойдётся. Ещё?

– Женщина домогается, звонила пару раз.

– Кто?

– Просто женщина. С приятным женским голосом.

– Я же просил записывать.

– Я так и спросила их, – обиделась лаборантка, – но оне

не соизволили отвечать.

На перекидном календаре Невмывако значилось «с. маш. ост.», что означало «секретарь-машинистка, остеохондроз». Запись касалась очередной кадровой проблемы. Недавняя проверка обнаружила в КБ нарушение финансовой дисциплины. В ряде отделов секретари и машинистки числились техниками. Доводы: кто же возьмётся за эту нервотрёпку при таком жаловании? – проверяющих не убеждали, потребовали соответствия. В отделах среагировали по-своему, ответили: у нас ни секретарей, ни машинисток. И на вопрос: кто у телефона? – секретарь теперь отвечала: дежурная. А машинистки и в самом деле были редкостью в КБ. Каждый печатал, как мог.

Когда Невмывако позвонили:

– Где ваша машинистка?

Он ответил:

– В отделе нет машинистки. Может, предложите?

Но ему ответили:

– Давайте не будем. Сотрудница вашего отдела, конструктор третьей категории Парамонова взяла в здравпункте бюллетень. С каким, думаете, диагнозом?

– Что я – доктор?

– А я вам сообщу: остеохондроз. Типичная болезнь машинисток.

– Отвечу, печатаем инструкции, – вздохнул Невмывако, –

и не могу я запретить ей подрабатывать в свободное время любым доступным ей способом.

– Наше дело – предупредить.

Позвонили из КИСа.

– Стенд можете забирать.

– Какой стенд?

– УС.

Невмывако многого ещё по делу не знал, но то, что стенд УС-5 в КИСе – этакая трехэтажная громадина, было ему известно.

– Так ставите вопрос, – начал он, чуточку посмеиваясь, – точно я с мешком за ним к вам приду.

Но в КИСе не склонны были шутить, ответили:

– Приезжайте хоть на установщике. Порубим.

Принесли телефонограмму: «В одиннадцать ответственному представителю по изделию ведущего тов. Окуня А. П. явиться на совещание к Главному конструктору». Указаны были и корпус и кабинет. Этого ещё не хватало. Невмывако уже пробовал ходить на неотчетственные совещания. Перед этим его наспиговывали сведениями точно фаршированную колбасу. Он вёл себя там по считалочке: «да и нет – не говорите, не смеяться, не улыбаться», а тут «к Главному».

Многое удивляло его в КБ и прежде всего – начальство, дотошное, работавшее больше всех. В Невмывако всё возражало против этого каторжного труда. Зачем? Подобное лишено смысла. Каждому следует решать на своём уровне. То-

гда начальство – вроде огибающей и появлялась прелесть венчающего труда.

В отсутствие Викторова (улетел в Москву), Воронихина (убыл туда же из-за диссертации), Иркина (пропадал у смежников, маркируя кронштейны) совещание у Главного выросло в проблему. По делу следовало бы послать Терехова, но тот почему-то околачивался возле проходной.

Через полчаса Терехов все-таки появился в отделе, но повёл себя вызывающе, заявил: «не пойду». Он мог бы сказать: «не могу» и объяснить почему, но он сказал «не пойду», и это меняло дело.

– Тогда я вас отстраняю от работы, – сказал Невмывако, – пишите объяснительную и можете не работать.

Терехов вышел и Невмывако подумал: «начинается битье посуды», но тут позвонил Иркин.

– Громче, ещё громче, Пётр Фёдорович, – кричал в трубку Иркин, хотя самого его было отлично слышно. – Я тут окончательно застрял. Какие проблемы? На совещание? Сейчас Терехова пошлём.

Славка Терехов был и сам не рад затеянному: раскричался, раскапризничался, как беременная женщина, и перед кем? Звонку Иркина он обрадовался, хотя для видимости буркнул:

– Может, вопрос не по зарплате?

Однако Иркин тотчас перевёл Славку в партер.

– Не по зарплате, говоришь? – повторил он с весёлостью

в голосе. – А мы, может, повысим зарплату тебе.

Ещё пара фраз не по существу, а вокруг да около, и всё разрешилось само собой. Славка записывался в журнал, когда зазвонил телефон.

– Тебя, – позвала лаборантка, – та женщина.

– Скажи, меня нет.

– Я уже сказала, что ты здесь.

– Послушайте, – схватил Славка трубку, – у меня минута, да и та прошла.

– Славочка, – услышал он непередаваемый голос Инги, – извини меня бессовестную, бросила товарища в беде. А минуты мне мало, мне нужен вечер. Приходи к нам на городскую квартиру, я пораньше Димку уложу.

– Что значит практичный женский ум. Мы с твоим мужем уже два года собираемся...

Но она не дала ему договорить.

– Причём тут муж? Он улетел в Москву. Придёшь?

Славка даже вспотел.

– Ты что заснул, Славочка?

Сердце его заколотилось, и, пытаясь успокоиться, он медленно сказал:

– До вечера нужно ещё дожить.

Всю дорогу к главному корпусу на первой территории Славка бежал. В таком виде нельзя было опаздывать. В большом кабинете Главного Славка удачно устроился: на диване, за спинами впереди сидящих. Народу собралось много,

больше нездешние. Открыл совещание Главный.

– Мы собрались, – обвёл он всех внимательным взором, – обсудить возможности новой кооперации по межпланетным станциям. Прошу высказываться...

Выступали в основном пришлые. Называли себя, а затем держали пространную речь. И Главный никого не обрывал. Кабэвские просто скрежетали зубами. Славка давно отвык от подобного обилия общих слов. Прослушав пару выступлений, он было поднялся, но наткнулся на жёсткий взгляд Главного и плюхнулся на место.

То, что было для Славки мучением, казалось естественным для Главного. Собрались предполагаемые участники предстоящих работ, а о чём можно было говорить, не начиная? В свою очередь выступавшие понимали: это – смотрины, и старались не ударить в грязь лицом.

Попутно Главному хотелось подытожить опыт работы по дальним станциям. Для этого он и пригласил представителей отделов – разработчиков. Он знал, что им, выученным быстроте и чёткости, непереносимы общие слова, но существуют порядок и дисциплина. И он сурово взглянул на поднявшегося забинтованного, отметив: «Это что за чучело?»

«Зачем я припёрся? – мучился Славка. – Что у меня нет иных забот? Вот-вот пойдут кисовские испытания и определяющими станут мелочи. И будешь торчать перед всеми, если не предусмотрел, не подумал, не успел. Тогда вдруг все

закричат, уставившись на тебя. А он здесь, как студент на консультации перед экзаменом, когда дело не в знаниях, а чтобы преподаватель отметил тебя».

Между тем представитель вузовской науки Протопопов излагал заслуги кафедры чуть ли не с дореволюционных времён.

«Стрелять таких, – мучился Славка. – От них наша бесхозяйственность, от тех, кому зарплата и так идёт».

Он еле дождался конца выступления, встал и попросил слова, понимая, что вроде и не нужно, так как со стороны он смешон.

– Обсуждение наше напоминает мне письма в редакцию газет: читатель советует, то есть пишет о том, в чём не разбирается. И у нас здесь сплошная болтовня. Не о деле, а по поводу. Не пора ли закругляться, если мы уважаем друг друга хоть чуть?

Стало тихо. Славка не смотрел в сторону Главного, понимая, что скоро всё закончится.

– Только что, – он кивнул на Протопопова, – рассуждали о системах управления «Марсов»-«Венер» так, словно они – нетленные Венеры из раскопок. Я и тех-то, по правде, не очень ценю, а о наших и говорить нечего. Они создавались наскоро и далеки от совершенства, хотя в момент создания, может, и смотрелись неплохо. Затем Главным конструктором было запрещено вносить изменения в изделия. До анекдота доходит. Чтобы делать по-старому, приходится по осо-

бому постановлению изготавливать триоды, снятые промышленностью с производства.

«Мальчишка, – подумал Главный, – куда его несёт? Выходит, мы передаём не совершеннейшую станцию, а просто металлолом. А поменять всего-то пару триодов».

– Достаточно, – произнёс он вслух, – назовите, что устарело?

Славка назвал.

– И всё?

– Всё, – выдавил Славка.

Действительно, получилось негусто. Все заулыбались.

– Не слышу.

– Всё, – теперь выкрикнул Славка, и это окончательно развеселило всех.

В конце совещания, когда уже поднялись с мест, Славку попросили к Главному.

– Иди, чучело, – сказал ведущий, – тоже мне революционер.

И Славка поплёлся; при всей своей архисмелости не мог же он сказать, что переделал кое–что под свою ответственность, вопреки распоряжениям. Ведущий, может, и догадывается, и было теперь не ясно, как он себя поведёт: ведь дружба дружбой...

Главный взглянул в упор на Славку.

– Возьми бумагу, всё напиши и подпишись.

Что он имел в виду – «всё»?

– И голос тихий у тебя, – добавил Главный, – трудно тебе работать с таким тихим голосом.

В отделе Славку ожидала новость – с обеда кисовские испытания.

– Ступайте за вкладышем, – объявил Невмывако, – и держите меня в курсе дел.

Он позвонил Инге.

– Ин, не судьба. С обеда КИС.

Но она отнеслась к звонку до смешного просто.

– Переживём, Славочка. Засуху пережили и это переживём.

Что-то царапнуло у него в груди, но он по привычке сказал себе: «Такова жизнь или короче: жизнь диктует нам свои суровые законы».

А Инга дурачилась:

– Честно признайся – в КИС или к кисе идёшь?

Глава четвертая

В первое воскресенье Мокашов отправился в разведку, в места, заштрихованные красным на пальцевском плане.

Если подойти к фирме со стороны города, обогнуть её, пройти немного лесом, то единственная торная дорожка выведет к посёлку, так называемым дачам. Дорога сюда идёт через кирпичный завод, огибая полуозеро-полуболото. Южная часть его, заросшая камышом и ряской, могла послужить приютом только лягушкам, зато у пригорка в северной били ключи и открывались чистые оконца.

Утро было отличное, и Мокашов шёл не спеша по тропинке, ведущей к посёлку.

Из кустов, трепыхаясь, вылетали птицы. Солнце видимыми столбами пронизывало толщу леса, высвечивая яркими пятнами заросли полян. Пар поднимался от мокрой блестящей травы. Тропинка, укрытая рыжей, потемневшей от влаги хвоей, перегороженная венами корней, настойчиво петляла между деревьев. И посягая на отвоёванное человеком пространство, там и сям выбегал на неё лесной авангард – побеги подорожника. Лес казался глухим, но местами наоборот, был заметно обжит.

Мокашов прошёл мимо крохотной речки, когда рядом, за деревьями начали вдруг бить ладно, в две руки. Большой молот тюкал: «Так». «Ли» – добавлял маленький. А затем оба

сливались в «Ага».

– Так – ли? Ага. Так – ли? Ага.

Деревья раздвинулись, и он увидел стеклянные плоскости парников, похожие на панели солнечных батарей, кузню и рыжую кобылу. Кобыла взмахивала хвостом, и хвост её пронзённый солнцем, горел красным сказочным огнём. Тропинка повернула к лесу, и скоро ничего не стало слышно.

Он уже пробовал искать комнату в городе. Ходил по недлинным, нешироким улицам, приглядывался. На столбах красовались плакаты с лозунгами. Лозунги напоминали то-сты.

– За мир! – красным по жёлтому отмечалось на одном.

– Слава труду! – провозглашал другой. Были и индивидуальные призывы: «Будь принципиальным». Он ходил по городу, читал объявления, но ничего подходящего не находил. Кто-то посоветовал поискать в дачном посёлке: идите прямо, прямо и обойдите завод с той стороны.

Мокашов часто останавливался, сплёвывал под ноги, слушал разноголосую перекличку птиц. Где-то далеко, постукивая, прошёл поезд. Не торопясь, почмокивал соловей. Какие-то птахи чирикали, как воробьи, а одна из них даже мяукала. Время от времени появлялось дрожащее: Кар-ррр. В стороне глухо и бесполезно тукал топор, и сначала далеко, а затем и близко, раздалось таинственное: Ку-ку.

Посёлок начинался сразу за лесом. Лес здесь был слабо прорежен, участки были большими, и со стороны посёлок

казался накрытым густой ярко-зелёной защитной шапкой.

Мокашов уже порядочно отошёл по шоссе, никого не встречая. Сумрачные ели, светящиеся стволы сосен и причудливые домики в глубине участков. Докричаться хозяев удавалось не везде. Он прошёл посёлок вдоль до противоположного леса, вернулся и стал ходить поперечными улицами. И чем больше ходил, тем больше ему нравилось и тем меньше оставалось надежд на удачный исход.

Лето началось жарой и дождями, и всё, что могло расти, двинулось в рост. Трава была высока, и только местами в ней проглядывали колонии робкой вероники, блестящие глаза лютиков, да одуванчики. Он вспомнил, что по-немецки и лютики и одуванчики называются одинаково – Butterblume – масляный цветок. И ему вдруг сделалось хорошо.

Ноги его промокли и стали мокрыми лицо и волосы, а он всё шёл по дорожке, вглядываясь в даль переулков, заполненных туманом. Возле пруда в центре посёлка встретила ему девочка, повязанная по-деревенски. Она расхаживала в мокрых сапожках, хлестала прутом траву и тоненьким голоском пела песенку, смешно и тщательно выговаривая английские слова.

– Видимо, непёр, – решил Мокашов про себя, но ещё долго и безрезультатно ходил, стучал в калитки, спрашивал.

– Что вы? Здесь никто не сдаёт, – равнодушно ответил ему мужчина в пижаме. По крайней мере не знаю таких.

Он ещё раз прошёл мимо пруда и остановился у пере-

крёстка. Дорогу в посёлок перегораживал металлический черно-белый шлагбаум. Рядом на скамейке сидел старичок в защитного цвета фуражке, кителе и бурках. Лицо его, лицо старого башмачника, было сморщено, как печёное яблоко.

– А что, папаша, проезд закрыт? – спросил он башмачника, опускаясь на скамейку.

– Закрыт, – охотно отозвался башмачник.

– А что так?

– Шоссе бьют. Грузовых не пускаем. Шоссе-то кооперативное.

– Живёте тут или отдыхаете?

– А тут, мил человек, никто не живёт. Зимой ни души. Все дачники. Энти вон там за лесом – живут. А тут нет. Вон гляди: там карьеристы. На карьере работают. А далее с целлюлозного. Трубу видишь?

– Сам-то откуда будешь? – спросил он вдруг, вглядываясь и лукаво улыбаясь.

– С завода.

– Оттуда? Заводской, значить. Есть ваши тут. На Димитрова особняк, да на Долгой улице. Возле леса. А насчёт сдачи не знаю. Да, и опять же зимою никто не живёт.

Они покурили, и дым не поднялся вверх, а, оставаясь комом, как шаровая молния, двигался над землёй. И было тихо, хотя ровно кричали птицы, и ветер доносил высокие детские голоса, звуки горна и лай собак.

Проехала «Волга», башмачник встал и открыл шлагбаум.

Деловито, не оглядываясь мягкими пружинистыми прыжками пробежал по шоссе огромный чёрный дог, напоминая леопарда или пуму, а может именно так бегают длинноногий и непобедимый гепард.

– Вот ведь что, – сказал возвратясь башмачник, – тут хорошо. Даже в жару прохладно. Да, и, говорят, воздух особый. Сера здесь из земли или от сосен? Не знаю, врать не хочу. В общем, медики были тут, охали. «Позвольте, говорят, санаториев настроим». А им: «Нет». Так, мол, и так, запретная зона. Там завод военного значения, а там аэродром. Хотя, слушай сюда, – мысль его зрела в мозгу, как набухающая почка. – Пол-литру ставишь?

– Обязательно. О чём разговор?

– В прошлом году Клавдия сдавала. Вот иди так и так и забор увидишь некрашенный, вроде ентого. Покричи: «Клавдия Петровна». Покричи. Глуховата она. Муж-то её у вас работал. На ентот заводе. Да, взрыв, был, говорят, у вас года два назад. Теперь-то она одна, да ведь не женское дело – дача. Не знаю, сдала ли нынче? Врать не хочу.

Он поселился тогда у Клавдии Петровны в мансарде с окном во всю торцевую стену. Её муж не погиб, а умер два года назад от белокровия. Он был хорошим специалистом и весёлым человеком, и всё вокруг напоминало вдове о нём. Она неслышно ходила по участку то с ножницами, то с граблями, подрезала кусты и рыхлила землю. В городе у них была неплохая квартира, и время от времени оттуда приезжала

дочка, высокая и симпатичная, сдававшая экзамены на аттестат. И Клавдия Петровна была полна тревоги сначала за школьные экзамены, затем за экзамены в институт, в филиал столичного Лесотехнического.

– Это теперь так трудно, так трудно, – говорила вдова, встречая Бориса. – Конкурс – одиннадцать человек на место.

– Да, – сочувствовал Борис и регулярно интересовался успехами дочери, хотя её саму видел мельком и издалека.

Он и сам чувствовал себя, как после удачного экзамена. Экзамена с элементами лотереи, в которой тебе всё-таки повезло.

«Я буду учить, впитывать, – уверял он себя, – потому что я нашёл свою точку. Многие, даже талантливые разбрасываются, и часто жизнь их проходит впустую. Но найти свою точку – уже половина успеха. Слабый бросается из стороны в сторону. Сильному тоже не легче. Его стратегия – пан или пропал. Вот если бы знать наверняка, как в романе с подсмотренным эпилогом. Тогда можно стать нестигаемо чётким».

Он уставал на работе, но, возвращаясь через лес, смотрел, нюхал и впитывал тишину, и голова его становилась пустой и чистой, как вымытое стекло. У хозяйки в сарае, где было много случайных вещей, нашёлся велосипед чуть ли не довоенного выпуска, но в хорошем состоянии. Он перебрал его, заменил кое-какие детали и теперь, вернувшись с работы, выкатывал из сарая и крутил бешеные пируэты на пустынном шоссе. Это было отчаянная езда. Всё, даже его сла-

бая близорукость доставляли удовольствие. Он нарочно снимал очки: больше неожиданности, и выжимал из себя и машины всё, на что была способна она и чуточку ещё. Выскакивала прямо из-под колёс ошалевшая собачонка, кидались в сторону, пронзительно вереща, обычно гордые и неторопливые гуси. А старуха с чёрным, пергаментным лицом долго грозила ему вслед кривым узловатым пальцем.

Катался он долго, пока не опускался на землю туман, мешающийся с синим, вязнущим в зарослях дымом. Темнело, и его близорукие глаза окружали сиянием зажигающиеся огни. От этого даже обыкновенные лампы на столбах со множеством дрожащих лучей делались сказочно красивы.

По утрам, когда было солнце, он шёл по освещённой стороне, жмурясь от его тёплых прикосновений, как довольный кот. Ему все доставляло радость: и сохнувшее после ночного дождя шоссе, и клубы тумана, качающиеся, как привидения, над поверхностью пруда, и петушинные голоса, похожие на паровозные гудки, и неясный шум дальнего поезда.

Потом он нырял в лес, спотыкался о корни, и в голову приходили необычные и пёстрые мысли, какие-то музыкальные, ласкающие слух фразы. Он шёл и чувствовал себя частичкой леса до тех пор, пока дорожка не разбивалась на множество ручейков и сосны допускали уже светящийся просвет. Тогда он начинал думать о работе и с этими мыслями подходил к высокому забору, вдоль которого нужно было идти ещё довольно-таки долго.

Посадили его в комнату к «сапогам». «Сапоги» или «Два сапога – пара», так их называли в отделе, явились жертвами очередной реорганизации, и никто не знал до последнего времени – останутся «сапоги» или уйдут?

– Долго им теперь вину замаливать, – сказал мимоходом Вадим.

– А в чем вина? – поинтересовался Мокашов.

– Да, нет вины. Они – без вины виноватые.

Но Мокашов не привык пока ещё к подобным ответам и снова спросил.

– Да, не вина, а обычная болезнь роста. Мы все растём, и «сапоги» выросли, а тут и случай подвёртывается – в соседнем подразделении наклёвывается сходная тематика. Они и подсустились в пределах дозволенного, согласно приказа Главного и т.д., и т. п. Затем море им сделалось по колено, начали народ сманивать. А наверху разобрались маненечко, и «сапогов» вернули в исходное. Совершили, что называется, круг почёта. Семёнов уже заявление подал.

– Но почему?

– Какое нынче к ним отношение.

Поначалу Мокашов сидел тихо, как мышь, читал по списку отчёты. «Сапоги» что-то считали, то выскакивали к расчётчицам и на модель. Мокашова они не замечали, переговаривались между собой.

– А жениться тебя не заставят? – спрашивал Семёнов.

Теперь он напоминал Мокашову бальзаковского стряпчего. Второй «сапог» – Игунин выглядел простоватым здоровячком.

– Ты что, – округлял брови Игунин, – в своём уме?

– А ты словно с луны свалился. И Леночка была бы пристроена.

– Пристроить, по-твоему, мужа найти?

– Понимай, как знаешь. Только замечу, для старшего инженера ты слишком умён. Быть тебе профессором. Ощущаешь себя профессором? Профессор читает лекцию, профессор пишет. Голова крупным планом, чистый высокий лоб. Ни одного, даже детского вопроса не оставляет он без ответа. «Скажите, папа, кто такой учёный?» А за вопросом доверчивые детские глаза. «Хм, хм, как бы это вам попроще? Ну, словом, дети, это ваш папа».

Заходил Вадим, интересовался: как дела и как жизнь?

– Дела ничего, – отвечали «сапоги», – но только какая это жизнь?

– Работать решили или капризничать?

– Мы что? Это у вас великие проблемы, хотя известно, что все великие проблемы давно уже Зайцев решил. Выходит, вы за решённую взялись?

– Не угадали, – улыбался Вадим, – за нерешённую, за ту, что Сева не решил.

– А это просто. Сева ни одной задачи не решил. Говорят, вы докторскую задумали?

– Не то слово. Скоро всех вас за неё засажу.

– И засадит, как пить дать, засадит, – волновались после ухода Вадима «сапоги». Понимаешь, он – голова, он – Шива, а остальные – руки для него.

– Щупальца.

Они попали во временное подчинение к Вадиму и попросили было себе отдельный кусок работ. «Ещё чего?» – посмеялся Вадим и выше головы их мелочами загрузил.

«С Вадимом выпить прекрасно, – делились сапоги, – а работать не дай бог... И знаешь, из кого вырастают лидеры? Из тех, кто в детстве имели какой-нибудь дефект. Ну, скажем, был толстым (увы, дети не прощают полноты) или заикался, и их дразнили. Такие вырастают безжалостными... Как пить дать, за диссертацию засадит. Вот говорят, нет у нас эксплуатации чужого труда. А в науке? И куда смотрит народный контроль?»

Мокашову было любопытно, но при нём они замолкали, закрывая лазейку в свой странный мир.

В обед «сапоги» ходили купаться. Выходили за полчаса до звонка и по пути заглядывали в конструкторский. В конструкторском – тихо, двигались приведения в белых халатах, чертили, считали, оттачивали карандаши. Они направлялись в угол зала, где из-под кульмана виднелись хорошенькие коленки и ровные, стройные ножки Леночки. Она всегда очень рада мальчикам.

– Можно? – спрашивает она, и, получив разрешение, вы-

ходит в коридор. Они подходят к окну – месту для курения, потому что просто болтаться в коридоре воспрещалось. Их видели конструкторы, идущие из нормоконтроля и копировки, и улыбались.

Потом они обязательно будут спрашивать её и неловко шутить.

– Ой, мальчики, – говорит Леночка, и они смотрят на неё, на её рубиновые, просвечивающие на солнце уши. У неё тонкие черты лица и глаза зеленоватые, красивые, и вся она подобранная и подкрашенная, хотя могла бы и не мазаться, девчонка ещё.

– Ой, мальчики, – повторяет она, – что было. Маруков сцепился с Некрасовым.

Они уже в курсе, что Маруков, которого она зовёт по дурачки Микой, страшно талантлив и уступает этому жмоту Некрасову, который больше технолог, чем конструктор, и которого поминутно вызывают в нормоконтроль и устраивают там ему такую баню, что он оттуда приходит красный, как вымпел, и злой до невероятности.

Она рассказывает, что приходил Лосев от ведущих, собирается экспедиция по «Восходам». «На два года с сохранением содержания, представляете?» И она перечисляет очевидные плюсы поездки, опуская очевидные минусы.

– Её следует развивать, – говорит Семёнов, когда они уходят.

Леночка оставалась для них укором совести. «Разбудили спящую красавицу. Вскружили девчонке голову».

Она для них – напоминанием неудавшихся организационных забот, эпопеи с выделением управления полётом. До сих пор оно выглядело заключительным парадным этапом. Собирались проектанты, конструкторы, специалисты по системам и, наскоро отмыв руки, выдавали серии предписывающих команд. И повинувшись им в безбрежной пустоте космоса разворачивался или включал двигатель управляемый космический аппарат.

Выделяясь, и сами «сапоги» выдвигались как бы на острие эпохи.

«Пенкосниматели, – заговорили о них в отделе – слишком ловкие». А «сапоги» отвечали, что ловкость здесь не при чём. Просто одни чувствуют биение эпохи, а другим это не дано. И подбирали себе народ, и в их числе девушку-техника. «В чем дело, – спрашивали „сапогов“, – полно техников?» «А нам не всякая девушка нужна, – выдрючивались они, – а этикеточка. Посылаешь, скажем, её бумагу подписать. Кому охота срочно подписывать? В минуту такое можно нагородить, разгребать придётся всю жизнь, а тут Леночка приходит такая, что лучше стать хочется. И непременно Леночка. Чувствуете, как звучит? Управ-леночка».

По делу всё было серьёзней. Не ценишь часто того, что в тебе. Они невольно стали свидетелями скрытых достоинств Леночки.

Началось с пустяка. Как-то их попросили принести в актовЫй зал грифельную доску. В ожидании защиты приезжие академики исписали её с обеих сторон. Но где-то запутались, а дежурящая у входа Леночка, которой пока тоже делать было нечего и вроде даже не следившая, указала им место ошибки, ткнув в доску. Это было поразительным. Знаменитые академики и караульная девочка у входа. Академики пробовали отмахнуться, но не тут-то было. Тогда один из них даже сходу предложил ей место в своём известном московском институте. Она в ответ только рассмеялась: «Ещё чего?» И «сапоги» были свидетелями чуда.

По сути, правда, никакого чуда не было, а была жизнь. С детства Леночке пришлось подрабатывать. Она была из так называемой неблагополучной семьи. Подтягивала олухов – детей хозяйственников, готовила в институт. Год провела в постели после аварии (её сбила машина на шоссе). И когда нечего было читать, читала дореволюционный журнал с ятями «Математика для чудаков», оставшийся от деда, математика-любителя, начинавшего с головоломок и ребусов. В старших классах занималась с соседом-инвалидом по особой программе и учебнику выдающегося физика-педагога О. Д. Хвольсона. Но считала это ненавистными обязанностями и свободно вздохнула, когда теперь, слава богу, репетиторство её закончилось. И теперь она рассмеялась академикам: «Ещё чего?»

Академики разъехались, а Леночка осталась у «сапогов»

занозой в памяти.

И когда началась эпопея с управлением, они предложили ей перейти в отдел.

Они миновали шоссе, продолжая разговор.

– С ведущим Лосевым связывается... В любую минуту может заложить.

– Заложить по делу?

– Хотя бы по делу.

За шоссе начинался лес, сначала прореженный, а затем в сплошном густом подлеске. Они двигались узенькой тропкой, след в след, перебрасываясь отрывистыми фразами.

– Не стоит девочке на ТП.

– Пусть дозревает в стерильной пустоте пустыни.

– Так и перезреть может.

– На ТП не дадут.

– Такому персику нигде не дадут.

О Мокашове «сапоги» говорили, как о человеке Вадима: не к месту этот «сапог».

– А, может, не «сапог»?

– Тогда ещё хуже. Не понимает пока ещё, видите ли, свою гнусную роль.

Они всех называли «сапогами», и прозвище возвратилось к ним рикошетом: «сапоги» или «два сапога – пара». Одно прозвище на двоих.

Они отправлялись к лесному озеру в любую погоду. На

озере в лесу Игунин проплывал положенную норму. К тому же он бегал по утрам, потому что здоровье для него с некоторых пор превратилось в насущную заботу. «Все дело в системе, – наставлял Семёнов. – А дальше, как кривая вывезет».

Причина была простой. В КБ без особого афиширования объявили набор в отряд гражданских космонавтов, и Игунин подал заявление, но ему хуже давались испытания вестибулярного аппарата – кружилась голова. Кто-то советовал потренироваться – скатываться в бочке с горы, кто-то подсказал: всему выручалочкой плавание. «Это как бы возвращение к истокам. Вода – среда гидроневесомости. Мы сами родом из моря. Подтверждением тому сходство составов крови и морской воды, и сам бог велел считать воду панацеей».

А что? Мы по определению страна Советов. Он помнил анекдот, как каждый на просьбу одолжить деньги, только давал совет, у кого их занять. Со временем помощь воды он стал считать собственной идеей. Она во всём помогала ему. В воде, как в той же невесомости. Человек – выходец из воды. Она даёт ему дополнительные силы. Она в помощь. Ему теперь требовалась поддержка. Чтобы кто-то в тебя поверил. Как это сделала Леночка. «У тебя всё получится», – сказала она, и на какое-то время стала нужнее всех.

Переход их отдела из НИИ в КБ не был безболезненным. Менялась психология. В НИИ каждый в душе был Наполеоном и желал сделать в науке собственный шаг, а в КБ требовалось маршировать в ногу. Не всякие выдерживали. Игу-

нину пассом в сторону стала попытка уйти в отряд гражданских космонавтов, а Семёнову просто открылась синекура в информационной технологии с возможностью начать с нуля.

Дороги и подъезды подводили к ближней заросшей ряской части озера, но неприметная тропинка вела вокруг к зеркалу воды, и он плавал здесь ежедневно, метров пятьдесят взад и вперёд, отталкиваясь с одной стороны от полированного без коры ствола дерева и с другой от протянувшегося под водой корня.

Озеро называлось Ближним в отличие от дальних, по преданиям старательских, из шурфов, заполненных дождевой водой на артиллерийском полигоне. Глубоких, чистых, с мистикой хозяйки «Медной горы».

Как-то на полигоне имитировался ядерный звездолёт. Конечно, без атомных взрывов, с обычным взрывчатым веществом. Пока ожидали начала испытаний, решили искупаться в озере. И озеро оказалось необыкновенным. Поразила мягкость и прозрачность воды, и ныряющие с противоположного берега были видны в воде и с этого. Может, тогда он и поверил в незримую помощь воды.

Возвращались они довольные, с мокрыми волосами. Поднимались вместе со всеми и замирали каждый над своим столом, а позже сматывались обедать в столовую КБ.

Приходили возбуждённые.

– Табельщицу не заметил? В столовой отмечала. Может,

проверка?

– Ну, и чёрт с ней. В Академии Наук теоретики вообще на работу не ходят, дома работают, а тут концлагерь какой-то.

В разговоре «сапогов» все чаще теперь присутствовал отрицательный элемент.

– На паршивую конференцию не могут послать, – как правило, начинал Семёнов. – Прихожу я к БВ. «А зачем вы поедете? Там одна болтовня, поверьте мне». Будто он с неба свалился. Не понимает, видите ли, что просто прекрасно съездить в Ленинград.

В разговорах мелькало, что вместо Леночки и ожидаемого «благотворного женского начала», в комнате объявился этот «сапог» – Мокашов. И теперь, должно быть, им просто не хватало постукивания ровненьких леночкиных ножек, когда она с полотенцем в руках перед обедом выстукивает к двери.

– Леночка на глазах меняется, – начинал Семёнов.

– Отстань, – огрызнулся Игунин.

– Юпитер, ты сердисься, значит, ты – сапог.

Через минуту разговор возобновлялся с новой силой.

– А знаешь, отчего она так потешно ходит? – спрашивал Семёнов.

– Нормально ходит, – ворчал Игунин.

– Нет, ты не наблюдателен. Что основное в походке женщины? Моменты инерции. Тогда всё получается плавно и со скрытым смыслом. А у Ленуши, прости меня, моментов, оказывается, не хватает. Вот и закручивает её вокруг про-

дольной оси. А вот посмотри, как Воронихина идёт, не идёт – танцует. Танец медоносной пчелы.

Игунин встать поленился, а Мокашов, вытянувшись, с места взглянул. По дорожке среди сосен, наклонив голову, от чего шея казалась трогательно тонкой, шла его «Наргис».

– Кто это?

Семёнов сказал:

– Музейщица. Муза.

– Муза кого?

– А всех, хотя случайно попала сюда. Кому-то в голову стукнуло – а не создать ли музей в КБ? Сказано, сделано. Прислали её – выпускницу архитектурного. Ломали голову: с чего начать? Чего бы проще – взять и собрать объекты? Объекты – сама история. Так нет, решили, объекты – просто, экспозиция должна быть особенной. А красота – каждому своя. И придумали голографический проход. Представь себе, идёшь себе по коридору и в полутьме вокруг тебя объекты, сотканные из воздуха, способные разбудить воображение. А что они смогут разбудить? Ничего. Разбудить способна такая женщина.

– Знаешь, с ней была история. Скульптуру в парке лепили с неё. Потрясающая история.

Потом со многими сложными подходами Мокашов узнал, что работает она в группе дизайнеров, в главном корпусе, а её муж – Воронихин, и есть его теперешний начальник,

встретиться ему с которым пока не довелось.

Всего несколько дней провёл Мокашов в Краснограде, но вся его прежняя жизнь отлетела куда-то очень далеко. И все дни не покидало его острое чувство обиды.

«Я докажу», – повторял он словно молитву себе под нос. Должно быть, молитва так и появилась от ежедневного самонадеянности. «Ему обязательно повезёт и уже начало везти».

Вадим сказал: «Не стесняйся, спрашивай: меня, Зайцева, „сапогов“, хотя они временно выпали из ритма, но ты балластом для них.»

Легко сказать: «спрашивай». Он уже пробовал.

– Минуточку? – переспросил Семёнов, – а вы уверены, что у меня есть для вас эта самая минуточка?

И продолжал разговор, а Мокашов ждал и краснел, готовый провалиться сквозь землю.

«Зачем он согласился к „сапогам“? Хотел ведь в разных комнатах пересидеть, со всеми бы перезнакомился».

Работа началась у него с архива, с поиска исходных данных, протоколов первых испытаний – словом, всего того, что поначалу декларировалось, а затем неизбежно нарушалось отписками, извещениями на изменения и лётным опытом.

Поначалу казалось – работа с архивом была, что называется, только «руки занять». Но вышло и распоряжение Главного: привести в порядок МВ. «Не объекты же голые передавать, а с архивами, в полном порядке». Ему совсем не светило закопаться в бумажном хламе и куцый собствен-

ный опыт гласил, что конкретность нужна, тогда вся досужая масса знаний нанижется разом на конкретную идею шашлыком на шампур. Вместо этого обилие объяснительных записок и расчётных справок составляли непроходимую трясиину. Выручал Вадим.

Он знал всё, представлял связи и нюансы и перебрасывал мостки. И вместе с ним шаткое и валкое превращалось в добротную конструкцию, которую при желании можно даже обшить и раскрасить.

Инспектируемое, уже давным-давно летало, и получалось вроде сказочного «пойди туда, не зная куда», но принеси требуемое и нужное. Вопросов возникала куча. К «сапогам» Мокашов уже отчаялся обращаться, зато к Вадиму – каждые десять минут.

Вадим обычно сидел у расчётчиц, которых все называли девочками. После техникума они совсем юными пришли в отдел. Они считали ему, а он развлекал их новостями, пил с ними чай, играл в перерыв с ними в домино и был для них открытым окном в мир. Расчётчицы обожали Вадима.

Их волновали слухи. Говорили, что Мокашов – чуть ли ни родственник министра, и сам Главный опекает его, и что он – ученик Келдыша, решивший какую-то проблему Гильберта и прибыл сюда её внедрить. Поговаривали и об отряде гражданских космонавтов для Марса. На все эти вопросы Вадим отвечал: «чушь». Но не бывает дыма без огня, и Мокашова

пристально разглядывали.

– Вадим Палыч, – появлялся у расчётчиц Мокашов, – можно вас на минуточку?

– Ещё чего, – откликнулся Вадим, – чай уже налит и что мне приятней переливать с тобой из пустого в порожнее или чай пить? Нужен, говоришь?

– Очень.

– Я всем нужен, – веселил окружающих Вадим, – а ходит ко мне один Мокашов. И почему у всех подчинённые как подчинённые, а на меня прёт сплошной изобретатель.

– Он что? Он очень бестолковый? – интересовались расчётчицы.

– До ужаса, – говорил Вадим, – знаете детские игрушки «Я сам», и он хочет всё сам изобрести. Сейчас, снова придёт. Увидите.

– Вадим Палыч, – появлялся на пороге Мокашов, – извините, ради бога...

– Товарищи, – объявлял радостно Вадим, – на арене Мокашов. Опять не понял?

Расчётчицы клонились к машинкам от хохота, а Мокашов в такие моменты просто ненавидел его.

К «сапогам» теперь редко заглядывали по делу. Забегал стремительный Взор от проектантов.

– Коллеги, у меня к вам чисто математический вопрос. «Сапоги» откладывали бумаги.

– Вы знаете, что такое тонкий немецкий шомпол?

Игунин взглядывал на Взорова бешеными глазами, а Семёнов только улыбался:

– Шомпол, простите, для чего?

– А вас прочистить. Уходить надумали?

– Помилуйте.

И Семёнов тащил проектанта в коридор, где разговор продолжался так же загадочно и необыкновенно. Из-за двери доносились отдельные слова. «Коллега, я вам представлю подробнейший меморандум... Однажды дважды...» Игунин затыкал уши, а Мокашов жадно вслушивался. Но «сапоги» не собирались посвящать его в свои тайны. По возвращению в комнату начинался нормальный разговор.

– Коллега, у вас просматривается суточный вариант?

– Суточный, – повторял Семёнов, – это, простите, щи суточные бывают.

– Бывают, – охотно соглашался Взоров, – так как?

– Нет, вашими стараниями. У вас, помнится, времени на перезакладку уставок не хватало.

– Но как же..., – кипятился Взоров.

– Вообще это уже не к нам, а к тем, кому идти по нашим следам.

– Чудаки, открою вам производственный секрет. Обсуждается проект пилотируемого корабля к Марсу.

– Ха-ха-ха, – картинно смеялись «сапоги». – Это проект какого года? Одна тысяча девятьсот... или две тысячи де-

вятьсот...?

Но Мокашову уже мешали разговоры. И услышав «подсолнечная точка», он мстительно прошептал про себя: «Это, простите, масло подсолнечное бывает».

Глава пятая

Вечерами центральная магистраль дачного посёлка – кусок шоссе, именуемый официально Проспектом Труда, пустующий целый день, на время оживал. Сначала со стороны города протягивалась к нему цепочка неторопящихся, обвешенных кошёлками людей. Немного погодя возникал обратный поток. Умывшись и закусив, выходили гулять парами и тройками и огромными семейными коллективами, продолжая на ходу воспитание детей. Говорили о прочитанном, волнующем, виденном, любовались закатом, оставлявшим между сосен золотые и алые полосы, а иногда окрашивающим половину неба в малиновый, непередаваемо нежный цвет. Зажигались фонари, загорались яркие звезды, а люди всё бродили по шоссе. И Мокашов тоже ходил по шоссе, вглядываясь в лица. Но встретились они неожиданно.

Возвращаясь с работы, он каждый раз любовался ровным строем сосен, вытянувшихся по бокам шоссе, сказочными домиками в глубине. Это был самый оживлённый час проспекта Труда.

– Ты куда падаешь? В какую сторону, – отчаявшись кричал незадачливый отец, поражённый непонятливостью дочки. Он поддерживал велосипед сзади, за седло, а она рывками поворачивала руль. – Это правая или левая, – сердился отец, – какая это сторона?

– Правая.

Мокашов улыбнулся, узнав Взорова.

– Смотри сюда, – кричал он много громче, чем требовалось для обучения. – Ты куда падаешь?

А она, не соображая от крика, а, может, просто была необыкновенно вредной девчонкой, повторяла одно и то же:

– Право. Правая. – И не хотела понимать.

«Всё на виду, – подумал Мокашов, – и не только на службе. Маленький городок».

Возле пруда на полпути к дому Мокашов остановился, посидел на скамеечке, посмотрел, как ловят тритонов местные, не достигшие школьного возраста рыбаки. Потом обернулся на шоркающий звук. Звук походил на шипение пара, на шелест подмёток по асфальту: дзиг, дзиг. Он обернулся и увидел старого знакомого – башмачника, покровителя дорог. Как и в первую встречу, он был в военном кителе, фуражке и галифе. Он косил вдоль некрашеного заборчика, приподнятого над землёй на побеленных бетонных столбиках. Они поздоровались.

– Притомился? – спросил Башмачник, снял фуражку и посмотрел в неё.

– Есть немножко, – улыбнувшись, ответил Мокашов.

– Ну, а как же? Жизнь, а не малина. – Башмачник одел фуражку, и они помолчали.

– Старуха тут ста-а-рая живёт, – сказал погода Башмачник. – Совсем рехнулася, старуха-то. Монетки в траву под-

брасывает, чтобы детей посмотреть. А они теперь только и приходят сюда, чтобы монеты искать.

Бренча, как тачка с железом, протарахтела колымага, лимузин, собранный из случайных частей каким-то энтузиастом-механиком. Лес, словно большая губка, выжимал по капле возвращающихся с работы. Мужчины, проходя, едва волочили ноги и выглядели чрезвычайно уставшими; женщины и здесь оставались женщинами, звонко пощёлкивали каблуками по шоссе.

Мокашов не смотрел на дорогу, но вдруг что-то непонятное заставило его обернуться. Казалось, грудь его наполнилась до предела раздражающе душистым газом, не позволяя ни выдохнуть, ни вдохнуть.

Перед ним, словно в замедленной кинокартине, проплыла его «Наргис». Она прошла от него так близко, что волна тёплого воздуха, рождённая движением, наткнулась на него. Он ничего не понимал, глядя ей в след, и только аромат духов чуть уловимо коснулся его.

– У вас чудесные духи, – что может он ещё сказать. Скажи он это ей, этим, наверное, испугал бы её. Откуда ей знать, что он уже ввёл её в свой мир и даже к ней привык.

– Осёл, – прошептал он, кусая губы и глядя вслед. – А? Что? – непонимающе взглянул он на Башмачника.

– С Долгой улицы, – повторил Башмачник, проследив его взгляд. – У них половина дачи.

Он всё ещё стоял с Башмачником, говорил, временами

улыбался, но думал о другом. В голове его упругими толчками, не желая успокаиваться, пульсировала кровь.

– Дуче, Дуче, – кричала чёрному маленькому мопсу его дородная хозяйка.

А мопс оборачивался, смотрел и бежал дальше, прочь.

– Настоящий фашист, – почесав подбородок, сказал Башмачник. – Зовут Туча, но никто, даже хозяйка так не зовёт. Зол и стервозен невероятно.

И словно подстёгнутый его словами, мопс отрывисто залаял и, мелко семеня, подбежал к забору. И тотчас грубым и хриплым эхом отозвался из-за перегородки огромный чёрный дог. Он рвался и бился о забор, захлёбывался от унижения и бессилия, пытался поймать коротколапую чёрную юлу, безопасно вертевшуюся перед ним. Когда дог отбежал в глубь участка, мопс просовывал под калитку морду и лапы и скалил зубы. Роль Моськи несказанно развлекала его.

– Садист какой-то.

Мопс бегал взад-вперёд вдоль забора и по ту сторону его огромной тенью носился могучий и бессильный дог. Наконец, мопсу надоело. Он выскочил на шоссе и пополз, как заправский пехотинец, к купающимся в луже голубям.

– Кышь, – не выдержал Башмачник. – Кышь, стервоза. Штоб тебя враг заел.

Голуби взлетели, распутив веером хвосты, а мопс, вскочив на ноги, оскалился и, как ни в чем не бывало, мелко засеменял по шоссе.

После ужина Мокашов гонял по шоссе. Это был его сорокаминутный активный отдых перед негласным, затягивающимся глубоко за полночь домашним рабочим днём. В этот раз он любовался необычным закатом, отражавшимся нежными фиолетовыми отсветами на белёсых облаках. Затем въехал в лес, прыгая на корнях и кочках, повалил велосипед и улёгся сам на подстилке умершей хвои. Сосны снизу казались черными, загоразивали мохнатой решёткой зеленоватое темнеющее небо. Когда смотришь снизу, кружится голова и всякие дикие мысли лезут в голову.

Шелест деревьев был необычным, раздражающим, странным. Ему казалось, что это разговор, он даже разбирал слова. Что за бред, галлюцинации наяву?

А странный голос, запинаясь, неуверенно говорил:

...Ночью весь отряд переправился через реку. Заночевал на берегу. Огня не разводили. Всё было в темноте. Уснули все. Кроме часовых. Всю ночь от реки дул тёплый ветер...

Мокашов поднялся на локте, но голос не пропадал.

...Часовые оставались на своих постах. Утром, проверяя посты, командир подошёл к ним. Они сжимали оружие. У них были открыты глаза, но они не отвечали. Они были мертвы...

Что это? Может он сходит с ума? И голос нечеловеческий. Мокашов вскочил на ноги, растерянно оглядываясь по сторонам. За высокой травой, еле видимые в сумеречном свете,

сидели на корточках два малыша. Один рассказывал страшным голосом, другой смотрел на него, выпучив глаза. Мокашов снова опустился на мягкую пахнущую подстилку. Хорошенькое дело, весёленькая история. Ничего себе сказочка современных детей. До него по-прежнему долетали слова, страшный рассказ продолжался.

– Это ваша машина?

Перед ним стоял маленький рассказчик и смотрел на него невозмутимым мудрым взглядом маленького гнома.

– Что, подвезти? – спросил Мокашов. – Давай на багажник, а приятеля посадим на раму.

– Нет, он здесь живёт. Его Дуче домой не пускает.

На углу, действительно, поплёскивал хитрыми глазами Дуче. На Мокашова он не обратил внимания и даже отвернулся. Но, видимо, краем глаза все-таки смотрел. Мокашов поднял камень, и Дуче сразу побежал прочь. Мокашов некоторое время преследовал его. Дуче бежал вприпрыжку, но часто оглядывался, затем остановился и бросился навстречу. Мокашов растерялся. Дуче прошмыгнул рядом и побежал в сторону оставленных малышей. Когда Мокашов подбежал к опушке, возле велосипеда был один рассказчик.

– Что, испугался?

– Что вы? Она больших не трогает, только малышей.

– А ты большой?

На это рассказчик не ответил.

– А где наш юный друг? – спросил тогда Мокашов.

– Вон он, видите? Он очень интересный. Говорит «май-чики». Это о тех, кто в майке.

– Ну, поехали.

– Поехали.

– Как тебя зовут?

– Дима. Дмитрий.

– И куда тебя?

– Улица Долгая, поворот за магазином.

Откуда-то сбоку выбежал Дуче. Он прыгал, пытаюсь уку-сить за ноги. Но стоило остановиться, как он проворно от-бегал прочь.

– До чего же гнусная собака.

– А это – моя мамуха, – показал Димка на женщину, сто-явшую около фонаря.

– Ты куда пропал? Я тебя ищу, ищу.

Мокашов остановился, ссадил Димку и поднял глаза. Пе-ред ним рассерженная и от того ещё более красивая стояла его Наргис.

– Вы извините, – чуть задыхаясь, сказала она. – Он такой помойщик. Уйдёт и копается в каком-нибудь барахле. – По-смотри, на кого ты похож?

– На себя, – сердито ответил Димка.

...Перед сном Мокашов открыл дверь и ступил в темно-ту сада. Небо было безоблачное, исколотое огоньками звёзд. Глаза, привыкая, находили все новые и новые звезды. Рядом с домом начинались кусты. Он пошёл наугад и постоял в за-

росях, пока не привыкли глаза. Тогда он наклонился к цветам жасмина, коснулся носом белых упругих лепестков. По носу его скатилась вдруг холодная капля воды, и он засмеялся от неожиданности.

Глава шестая

То, что Семёнов собрался уходить, ни для кого уже не составляло секрета. Море ему сделалось по колено, и по любому поводу он устраивал цирк. Он ещё отвечал по делу. Но если не мог ответить, не говорил, как прежде: «Это не моя епархия» или «обратитесь к начальству, оно у нас умное», а не иначе, как «уровень моей теперешней зарплаты не позволяет мне решить данный вопрос».

Деловые связи «сапогов» начали рваться, однако вакуум был быстро заполнен. В комнате появились монстры. Приходил Вася – Мешок Сказок и начинал очередную историю из архивов фирмы.

– А вот что ещё было, – крутил головою Вася, – я тогда ещё работал на внутреннем стенде. Михал Васильевич отработывал двигатель третьей ступени. Все чин-чином и в барокамере. Отсос что надо, и тихо, ни звука не слышно. А перед приёмкой собрались эти гуси и придумали. «Ну, что, говорят, он беззвучно работает, мол, для комиссии нужно поднять давление, чтобы шум был. А почему слабый шум? Тут объясним про вакуум и разряжение. Фимистоклюс, Филюшкина так тогда звали, забегался. Он отработывал тогда вихревую подачу топлива. Теперь-то к нему не доберёшься, член президиума и комиссий, а тогда щуплый парнишка был, но кандидат, в свитере ходил.

Всё работало, как часы. А на сдаточные приехала куча народа: из министерства и генералы всякие. Слова говорили: мол, первый в мире и прочее. Затем был пуск, двигатель загудел, а потом: хрю-хрю хрюкает. У всех лица строгие, а тут расплываются. А нашим не до шуточек. Нерасчётный режим.

И что? Отменили испытания. А на повторных он совсем прекратил работу: передавили ресурс клапанов. Отказал на испытаниях. А на отладках отлично работал. Как говорится, эффект присутствия, объективный закон «паскуда», визит-эффект.

Вася – ходячая история фирмы. Он начинал, когда изо всей материальной части фирмы и был единственный стенд и нынешние академики и профессора ели и спали возле него, бегали, суеились, ругались из-за деталей. Потом всё изменилось, появились новые люди, а Васю по-прежнему, несмотря на серебряные виски называли Васей и Мешком Сказок. Но рассказывал он далеко не всем. Семёнову рассказывал, и когда тот слушал, у него было умное и внимательное лицо.

Теперь повсеместно стало известно, что Вася занялся «Узором». «Приделали „Узору“ ноги, – комментировали „сапоги“. – Вася кому угодно плешь проест».

– Народы, – заходил Вася, – с виду уважаемые, а по делу – тягомотники. Как вас на дело подвинуть?

– Вася, – отвечали ему, – кончайте заниматься ерундой.

– А это, – рассуждал Вася, – как взглянуть. При объединении «Марсов» и «Венер», помнится, вы тоже выкаблучивались, говорили: вместо прекрасных объектов – ублюдок и рахит. А ныне «гибрид» для вас чуть ли не верхом совершенства.

– Очень просто, – возражали «сапоги», – скажем, у вас рождается дитя, и вы обязаны его полюбить, а не привередничать.

– Вам и предлагается – полюбить «Узор». Ей богу – чудачки. Свои же двигатели и полное право их совершенствовать.

– И на здоровье – совершенствуйте, но не лезьте на борт. Не охота на ваши выдумки тратить жизнь. Ведь как это? Мелькает что-то перед глазами и думаешь «важное-неважное», а это ничто иное, как твоя жизнь.

– Жить нужно так, – балаганил Игунин, – словно остался один год.

– День.

– Нет, год. Не меньше десяти месяцев, не то прожигание жизни пойдёт.

– Выходит, – резюмировал Вася, – задумали тянуть резину?

– Объясняю, в ваших же двигателистских терминах: датчик поставлен в камеру и затянулся импульс последствия.

– В камеру?

– В комнату.

«Это обо мне они. Паршиво-то как, – мучился Мока-

шов, – и зачем он согласился сесть в их комнату?»

– Называют датчиком, – жаловался он Вадиму.

– Не слушай их, – утешал его Вадим, – у них двухнедельный кризис жанра, и в результате они выздоровеют или отомрут. А ты у нас – новорождённый и у тебя всё впереди.

«Сочувствие – низость», – считал прежде Мокашов, но теперь ему как раз не хватало сочувствия. По крохам собирал он его с разных сторон. Вначале он многого не понимал. Деловые бумаги и отчёты писались особым птичьим языком: УМРД, СУБК, ИД. Выручил Вася. Он как-то молча уселся в углу и долго писал, поднимая глаза к потолку, а в результате вручил Мокашову список сокращений.

Изредка приходя в отдел, Вася одинаково начинал:

– Как дела, настроение, состояние? Клепсидрой себя не чувствуете?

– От чего клепсидрою, Вася?

– А время течёт через вас.

– Что вы, Вася, в этом-то муравейнике.

– Вы многого не видите, и мир вам муравейником кажется. А в муравейнике собственная система и её с ходу не понять.

– Зубрить приходится.

– И хорошо, а то в двадцать пятом – сплошные открытия.

Время от времени начинается: мы – молодцы и открыли... А разберутся, оказывается, Клеро, тридцать четвёртый том, в сноске. Советую вам поскорее войти в основной состав.

– А как? Подскажите, Васенька? Что нужно прежде всего?

– Скажу вам: многое. Не ошибиться, например.

– Ни разу? Как же?

– А проверять некому. Ошибающийся выбраковывается.

И каждый раз требуется решать: когда, с кем и как? И дело в пропорции.

– А Невмывако? Пётр Фёдорович? Кто он?

– Невмывако – по анекдоту. Знаете, «На солнце летим».

Есть такой анекдот. Не знаете? Приходит как-то начальник: «Товарищи, нам оказана высокая честь – на Солнце летим». «Как же так, на Солнце? Сгорим». «Верно. Но если подумать? Есть выход: ночью летим».

Его пути с Невмывако практически не пересекались. Невмывако подписывал служебные на вход и выход, заявки на пропуска и детали, оставался вечерами, хотя забот ему едва хватало на день, и, расхаживая по коридору, останавливал проходящих.

– Над чем работаете, Борис Николаевич? – спрашивал он Мокашова.

– Над собою, Пётр Фёдорович.

Он пробовал было подключиться к объектовой работе, но Вадим его охладил:

– Не время ещё. Потерпи.

Только он видал, как рядом крутились «сапоги». В жизни он часто поступал всему наперекор. В институте перед рас-

пределением говорили: «не попасть к Викторову», а он загорелся непостижимым. И вот он здесь. Хотя, может, ещё и не созрел для настоящих дел. Но у него получится. Случалось, в институте за ночь просекали сдаваемый предмет. «Довольно, – обрывал он себя, – хватит вспоминать институт. Так можно и детский сад вспомнить. И институт – не пример. Настоящая халтура. Нет, просто метод «Sturm und Drang».

– Над чем трудитесь конкретно? – не отставал Невмывако.

– Ассенизатором тружусь. Ассенизационно-архивная работа, чистка авгиевых конюшен.

– А вы думали, что здесь сплошь первооткрыватели? И ассенизаторы нужны. Причём даже не по необходимости, а по убеждению. И пороха не изобретите, пожалуйста, очень вас прошу.

– Изобрёл уже, Пётр Фёдорович.

– Тогда я вам не завидую.

– Я сам себе не завидую.

И Мокашов спешил себе дальше, а Невмывако останавливал других.

На двадцать пятый отдел на фирме смотрели с любопытством и сомнением. Со стороны их действия напоминали бравадный кавалерийский наскок в делах, требовавших неторопливости и осторожности. И сомневающиеся были искренними патриотами фирмы. Невмывако чувствовал это отношение.

По всем приметам выходило, что он попал на фирму в неудачный момент. Вслед за приливом расширения по отделу прокатилась волна урезания. Упразднили стенды, и тот, необычный, на полифилярном подвесе, который недавно расписывали, как непременно достижение. Невмывако пугала эта непоследовательность. Поистине одна рука не ведает, что другая творит. И перекладки здесь никого не волновали. «Мы – умные, обойдёмся без стенда», – комментировал Вадим.

Невмывако, конечно, видел, что основное здесь – объектовая работа, но волокни её немногие, а остальные оставались на подхвате, так, для мебели. И теоретики достойно чувствовали себя. А что такое теория по сути своей? Нечто выхолощенное, застывшее, упрощённое, более простое, чем, скажем, сама жизнь. Теория – там, где удаётся концы с концами свести. Сначала делают дела, затем наводят теории. Теория – вовсе не для нас и не здесь, точнее, мы – не для неё.

Конечно, он понимал, что без расчётов и формул нельзя угодить в Луну. Однако практически считал, что деньги следует вкладывать в стенды. Он за солидность основания. Вкладывайте, вкладывайте, и это принесёт успех.

В отделе всё было не как у людей. Начальство являлось раньше и уходило позже всех. Вникало в суть каждого винтика. Когда Невмывако понял это, он ужаснулся. Его хваленной энергии не хватало здесь даже на день. И вся его тёртая –

мытая правда опыта не стоила здесь ни гроша. Вот на недавнем совещании он начал с общего, но его тут же прервали: «Говорите по существу». А он, все-таки, – руководитель и может позволить себе.

Хозяйственные заботы его больше не удовлетворяли (не завхоз же он). Разделиться по машинам – вот что следует. Или лучше пока не поздно слинять отсюда на сторону. Отпочковаться с тематикой, подобрав выдающуюся команду. Ведь здесь – сумасшествие. Начальники работают больше всех. Это – ненормально, но есть и местные плюсы – кадровое переполнение с возможностью рекрутировать новичков.

Хорошо бы, чтобы как здесь, но без нервотрёпки и суеты. Заняться, скажем, управляемым марсоходом – роботом. Он нужен и на далёкой планете и на Земле, пригодится и при подводных исследованиях, разминировании – проделывании проходов в минных полях, при атомных авариях. Да, мало ли где?

Ему уже мерещилось нечто металлическое, паукообразное, с искусственным интеллектом в себе. С несчётным количеством рук-ног, способными пошевелить нераскрывшуюся антенну в открытом космосе или заткнуть появившуюся брешь. Словом, послушный ужастик с элементами самостоятельности. Когда-нибудь на соседних планетах появятся многочисленные киберы, способные ползать, хватать, размножаться, точнее множиться по необходимости, играя нужную роль. Преобразователи планет.

Его министерские связи подсказывали: перемены грядут, и всё огромное здешнее нынешнее ракетно-космическое образование распадётся на куски. Да, он и сам чувствовал, что налицо переполнение. Как в насыщенном растворе, в котором тебя выталкивает, трудно плыть, вот-вот и сам в осадок выпадешь. Но ты в осадке и не повинен никто. Виной обстоятельства. Но стоит подправить чуть-чуть, и всё выправится.

Пора пойти на поклон авиации. Ракетная техника перекрыла ей кислород. А сочетание здешних светлых голов и хитростей авиационных технологий сулит небывалый успех. Именно авиационный задел придаст совершенство межпланетным автоматам – гонцам в солнечную систему и за неё.

Мысль о грядущей самостоятельности дарила ему как бы второе дыхание. И Невмывако по-иному ходил, присматривался, чувствовал себя коллекционером и азартным игроком, составляя пасьянс из знакомых лиц. Карты ложились в разных сочетаниях. Однако в них чувствовался изъян – не хватало теоретика. Теоретики... А эффектно заметить вскользь: «Мои яйцеголовые придумали, запрограммировали и получен результат...» Такое выглядит при любом раскладе.

Невмывако вздохнул, надавил кнопку звонка и попросил секретаря:

– Мокашова ко мне.

Мокашову вовсе не светило терять время с Невмывако.

Он уже просёк, что в отделе есть первый, второй и даже третий эшелоны. Одни бегали с выпученными глазами, решая чуть ли не на бегу. Другие считали для них, моделировали и вели себя относительно спокойно. А часть, казалось, ушла в глухую защиту, разрабатывая своё, должно быть, нужное и, может, даже выдающееся, но не идущее сегодня в ход. Первым в просьбах не отказывали. Как-то Иркин и к Мокашову подошёл:

– Посчитайте быстренько моменты инерции. Вот чертёж. Баки с перегородками.

Ещё чего? Мокашову вспомнились труды Жуковского, его магистерская диссертация, редкие простейшие случаи, доведённые до счётного конца. «Смеётся он что ли?» – и он вслух сказал:

- Задача эта наукой ещё не разрешена.
- Часа вам хватит?
- Может, и жизни не хватить.
- И справкой оформите, – закончил Иркин прищурившись, – чтобы в план включить.

Он кинулся было к Славке, но и Славка не выручил.

– Это ты у себя в секторе бормочи, – сказал он, – а тут вынь да положь.

Как быть? И снова выручил Вася.

– Вася, – пожаловался Мокашов, – задача не разрешимая, а тут на всё, про всё час дают.

На это Вася мягко ответил:

– А вы не так действуете. Берите крайности. В начале жидкость вне перегородок в движение не вовлечена, а другой крайний случай – жидкость как твёрдое тело, вовлечена целиком. Для управления этого достаточно. Считайте на худший случай, и если уже он пройдёт...

– Спасибо, Васенька. Что бы я делал без вас?

– Пишите среднюю цифру с разбросом, а жизнь подправит. Промоделируют. Моделируют всё.

Конечно, Мокашов понимал, что мог отфутболить пристающих (вы мне не начальник, а я – не слуга всех господ), но что-то подсказывало ему, что так поступать не следует. И даже следует наоборот – цепляться за объект. Сам Иркин как-то посоветовал:

– Беритесь сразу за объект. Мигом освоитесь.

Он понимал, что то, чем он теперь был целиком занят – инвентаризация по гибридам – временная забота. В ближайшем будущем автоматы по слухам на сторону передадут, и если очень активничать, могут и с тобой передать. Запросто. И чтобы такого не произошло, необходимо соблюдать меру.

Доводка документации «гибридов» велась по запросу Главного. Работа напоминала реабилитацию после амнезии. Как будто в архиве случился пожар, и всё следовало восстановить. Для Мокашова она стала фактическим знакомством с объектом, хотя на автоматы он не собирался тратить жизнь.

Он искал свою тему. Занимала его гидродинамика: истечение нестационарное, сложная конфигурация, волновой процесс.

Посчитавши по-васиному, он сунулся было к Иркину, но тот был занят. К нему была очередь. А когда он попал к нему, тот неожиданно накричал на него.

– К чему мне ваши подходы? Цифра конечная нужна. Мне цифру выдают, а не слезы по поводу. Думаете, я буду работать за вас?

Оказалось, «поезд уже ушёл». Моменты инерции замерили качанием. Для Мокашова это стало предметным уроком, что отвечать нужно тотчас и чтобы цифры совпали с практикой. А то, что задача счётная или несчётная, никого не волновало. Иркин орал, словно вожжа попала ему под хвост? Разволновали предыдущие или считал полезным орать на «толстого ребёнка»? Но при свидетелях было неприятно. «Держаться нужно подальше от Иркина, – решил Мокашов, – а лучше иметь собственный тематический кусок».

Возня с итоговым отчётом подошла к концу, и Мокашов как бы поднял голову. По сторонам него кипела жизнь, и были узлы течений. Настало время выбирать, к кому прикнуться? Казалось, проще работать с Невмывако, хотя он явно не входил в число доверенных лиц. Разговоры с ним напоминали ходьбу по глубокому снегу. Хотя, возможно, Невмывако допускал и какую-то науку. Но только что это была

за наука? Наука, доступная администраторам. А это и вовсе не наука, а собачий бред. Однако с ним было и понятно, и спокойно. А Мокашову теперь требовалось спокойствие.

Войдя в невмывакин кабинет, Мокашов вежливо поздоровался.

– Как у вас, Борис Николаевич, с «Узором»? – спросил Невмывако.

– А с «Узором» не у меня, – откликнулся Мокашов.

Невмывако вздохнул: ох, уже эти теоретики. В разговоре с Вадимом «Узору» был выделен Мокашов, но он или не вошёл ещё в курс требуемого дела или не успел войти и теперь следовало решить – чуть подождать или сразу прорубить теоретику по ушам?

С прибористами у Невмывако получалось лучше. Они были из местных и вели себя солидно. В разговоре не корчили восторженных рож. А теоретики... Но на теорию нынче мода. Каждому руководителю требуется высоколобый. Их трудно трезвым умом понять. Однако не всё доступно уму в современном мире. Например, абстрактная живопись? Однако художники понимают друг друга, значит в ней есть что-то здоровое. Из теоретиков нужно начать с зелёных, плохеньких, вроде стоящего перед.

– Мне кажется, – пожевал губами Невмывако.

«Креститься нужно, если кажется», – мысленно среагировал Мокашов, сохраняя на лице маску заинтересованности.

«Юные, – подумал Невмывако. – Саранча зелёная, а лезет.

Словно собачонки, насидевшиеся взаперти и стремящиеся оббежать и помочиться на всё. А накусавшись и поломав зубы, они с удивлением обнаружат, что жизнь подошла к концу, а рядом скалят зубы другие молоденькие собачонки».

– Мне кажется, – наконец выговорил Невмывако, – вас это должно заинтересовать.

Он потянул лежавшие перед ним листки. Лежащим сверху был расчёт Мокашова.

Случилось так, что Иркин смотрел мокашовский расчёт при Невмывако. Он помнил, что Мокашов – маленький теоретик, но крупный родственник. К таким со временем не подступись. Он сам в принципе не против пристраивания детей. И куда их стоит приводить, если не в известное? Туда, где можешь им помочь. Он только против явного блата, когда и дело побоку, а специалист только надувает щёки. Читая справку, Иркин сказал:

– В этом все теоретики.

Между расчётом и результатом эксперимента, что успели провести, не было ничего общего. Этим бы дело и закончилось, но у Невмывако мелькнула мысль – воспользоваться. Он попросил расчёт на всякий случай, и случай выручил.

Невмывако попал в отдел не обычным путём, а как бы сверху. В отделе его до этого не знали, и было мнение, что он – ни то, ни сё, ни бе, ни ме, ни кукареку, и прислан кадрами

дисциплину наводить, хотя он был в своё время не так уже и плох и начинал с многими, взявшими старт и затем круто взмывшими. А он как был, так и остался, как говорится, рядовым членом команды, и его помнили.

Днями позже он встретил на фирме старого знакомого. Профессор Левкович привёз на этот раз в Красноград группу академической молодёжи, на совещание по поведению жидкости в невесомости. Невмывако попросил его посмотреть расчёт.

Слухи об абсолютной закрытости ракетной фирмы не были абсолютно верными. Главный, как мог, подключал к работе академические коллективы, но делал это осторожно. Можно и самому было под это загреметь «под панфары»». А побывать в знаменитом КБ уже стало почётно.

При изложении просьбы Невмывако детали скрыл, и выходило, что разбор расчёта – чуть ли не поручение Главного и тем самым проверка прибывших «на вшивость». Пикантность ситуации состояла и в том, что задача движения топлива в баках числилась за Академией Наук. Но пока она там фундаментально формулировалась, необходимые сроки прошли. Проблему пришлось разрешать технически – перегородками в баках. Это производителей раздражало, поскольку увеличило вес. «Академиком» решили проучить. Расправа витала в воздухе, и тут возник Невмывако с расчётом.

Расчёт по-крупному не заслуживал внимания. Это был

простенький инженерный расчёт, хотя и со своей «изюминкой». Она походила на известный коэффициент C_x , сыгравший в аэродинамике и гидромеханике кардинальную роль. Однако форма расчёта не выдерживала критики, и давать его «академикам» на отзыв, было то же самое, что дать школьное сочинение на отзыв нобелевскому лауреату.

Мокашов медленно читал язвительные фразы, и уши его горели. Невмывако смотрел: не переборщил ли? Не переживают так из-за рядового отзыва. Ясно, что у теоретика чрезвычайно нежная кожа. Прямо лягушачья. Жалко такого бить. Жалко, а нужно. Как учит история: древние приручали ущербных, и получился домашний скот.

Мокашову не всё было понятно. Он знал эти скромные обозначения – символы высшей математики. Не высшей, а высочайшей, доступной избранным, особам присягнувшим ей. О таком математическом аппарате он только мечтал. Но его цепляли язвительные фразы, от которых ему хотелось спрятаться.

– Я пойду, – выдавил он.

Но Невмывако холодно заметил:

– Я вас ещё не отпустил.

Он наблюдал... Покраснел новичок. Чрезвычайно нежная кожа. Древние приручали ущербных... Жаль. Но если не бить, вырастет доморощенный изобретатель и начнёт повсеместно ходить с протянутой рукой, а на ладони всего-то

крохотное изобретение. Изобретут на грош...

– Вам всё понятно, Борис Николаевич?

«Ну, всё не всё, да какая разница? Просто уровень не тот, – думал Мокашов, – сунулся с суконным рылом в калашный ряд. И мне указали место. Умыли походя, хотя и на бегу».

«Можно ещё, – подумал Невмывако, – устроить новичку встречу с Левковичем и его приезжей сворой. Но, пожалуй, сломается новичок. Попробовать наоборот? Изумруды теперь делают как? Растворяют в кислоте напрочь мелочь, изумрудный бой и уже из ничего, из раствора выращивают совершенные кристаллы».

– Хочу рассказать вам байку про бегемота, – сказал Невмывако. – Житейская история. Молодой бегемотик затесался в стадо слонов. Сам он себя со стороны, конечно, не видел, считал себя слоном и бродил со слоновым стадом. Дальше больше, влюбился в молодую слоницу, ухаживал за ней, как мог, пока соперник – молодой слон не устроил бегемотику трёпку. Тогда он понял, что он не слон, а маленьким бегемотик. Думаю, как бегемот, он был неплох, просто выступил на чужом поле.

Невмывако улыбнулся, пожевал губами и закончил:

– У него выхода не было. Зато у вас целых два – сделать слоню или стать в конце концов нормальным бегемотом. Умоляю вас, займитесь «Узором». Поверьте мне, это – ваш «Тулон». Реальные двигатели и реальный управляющий

блок – не могут не повлечь за собой реального результата.
Словом, как говорится, полный вперёд.

Глава седьмая

В кустах у насыпи Мокашов испытал истинное успокоение. Он отыскал это место случайно, свернул как-то раньше с тропинки и вышел к железнодорожной насыпи. Здесь притаилась эталонная тишина, составы ходили редко, не голосили, как в лесу, птицы. Там, где дорога сворачивала на мост, начинались сплошные кусты.

В кустах затаилась особенная жизнь. Порой раздавался шорох, и всё затихало. Должно быть, он для кого-то был здесь бельмом на глазу, за ним наблюдали, возможно, терпели, но не мешали. Он стал приходить сюда поразмышлять.

Здесь, наедине с собой, он волен был подниматься к беспредельным философическим высотам, судить, например, о том, что такое счастье и что превыше всего? Дряхлеющий Гёте, похоже, упрощённо решил, одарив Фауста молодостью и Маргаритой. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно». И сегодня он – Мокашов – молод, но разве счастлив? Тысячу раз – нет!

И что есть счастье? Не прав ли Томас Харди? Как там у него? «...Мерило в нас самих, и кто с лица Король, тот и Король на деле...»

На насыпи между путей прыгала белая ворона и теребила бумажный пакет. Была она не той совершенной белизны, как зверьки – альбиносы. Её серые перья напоминали блеклую

седину.

В зоомузеех его всегда тянуло прежде всего к стеллажам какерлаков. Там были белки с дымчатой шерстью, снежные кроты, ярко-белые куницы, барсуки, росوماхи, а из птиц разве что тетерев был удовлетворительно бел. Павлины казались грязными, в космах волнистых перьев вместо обычных золотисто-зелёных с сине-черным зрачком. Пёстрые с вызолоченной грудью фазаны.

А здесь между путей прыгала белая ворона. И, может, тут её единственное место, не в стае жестоких и бесцеремонных подруг. Он и сам чувствовал теперь себя белой вороной, несчастным альбиносом, и нужно было понять и место своё, и дело, и то, что творится вокруг.

Он раньше абстрактно рассуждал, а теперь был повод. Как говорится, нет худа без добра. В хламе отчётов он, наконец, отыскал своё жемчужное зерно. В нём его судьба, и он пойдёт своим путём. Вирусом проникнет в плоть предприятия, в его производственные структуры. И что с того, что фирма на самом острие эпохи? Да, кто они ему? И кто, например, для него Главный – здешний царь и бог? Он – Главный Конструктор, но не бог, чтобы распоряжаться его судьбой. Пальцев учил: «Каждому своё. Если ты вор, воруй. Иначе пожалеешь потом. Если – Казанова, люби».

Он вспомнил невмывакины слова об ассенизаторах по убеждению и ему захотелось подвига. Такого, от которого зависит всё. У теперешнего успеха – множество отцов.

А ему нужна собственная этикеточка: «сделал Мокашов». Причём со своей теорией. Обычно ценятся теории. Откуда это? Должно быть, от старых профессоров. И нельзя заделаться Дон-Кихотом, гоняющимся за неосуществимой мечтой. И, может, прав Невмывако – в достижениях теперь не формулы. Сосед по дачному посёлку, профессор здешнего филиала Института леса говорил:

– Дерзайте пока не поздно. Вам уже сколько?

– Четверть века с хвостиком.

– Творят до тридцати.

– Начать боюсь...

– А страх основой всего. Без страха не было бы современных открытий.

– Выходит, из страха в нобели?

– С этого и началось. Я объясню. Далёкие наши предки жили в состоянии перманентной смертельной опасности, и это их напрягало. А когда опасности удавалось избежать, получали удовлетворение. Такое закрепилось в нас. Мы ставим цели и осуществляем их. Цели, конечно, разные. Смысла мира стал вершиной развития, рафинированной жаждой творчества. И интерес сделался положительной эмоцией, основой её. Да, есть тонкости, например, гендерные отличия. Одобрение стимулирует мужчин и понижает мотивацию женщин.

– И каждый творец?

– Творчество в нас заложено, но мы ведь разные. С первых

часов новорождённого интересуется что-нибудь своё. И избирательность усугубляется. С годами и опытом. Из коллективного путешествия участники выносят свои впечатления. Но существуют цель и удовлетворение у всех без исключения. Цели порой корыстные, способы ужасные, но все они – проявления феномена творчества.

– Только не всякому дано.

– Всё дело в развитии. Рыбаками юрского периода были динозавры, охотившиеся на акул. А наши предкам – крохотным землеройкам приходилось прятаться от них. Так говорят китайские раскопки. Старались выжить, напрягали ум. Чем больше бед, тем больше пользы от них. И где они теперь и где мы? Всё дело в развитии.

– Хотя на это потребовалось всего сто шестьдесят миллионов лет.

– Увы.

Мысли его, бессистемные и разбросанные, не пытались охватить всё. Они задавали намерение. Возможно, здесь в коллективе он станет разнесчастливым какерлаком с собственной идеей как дурень с писанной торбой. Ему будет тяжело. Одному – всегда тяжело и требуется сочувствие. «Сочувствие – низость», – прежде считал он, но ему теперь это как раз и не хватало, и опорой становились и Леночка с нефритовым, вспыхивающим при встрече лицом, и волнующая Наргис, и бесхитростный общительный башмачник.

Они стали ему необходимостью.

Он помнил советы Пальцева: не получается – уходи, с начальством поспорил – уходи. Ах, тебе не нравится? Тебя учили бороться? Так и проборешься всю жизнь. Ставь себя в соответствующие обстоятельства, и обстоятельства переделают тебя.

Не в силу собственной индивидуальности, а по воле случая попал он в этот маленький городок, где бабушки в скверах, пытающиеся унять непоседливых внуков, разбираются в небесной механике, а суровые деды могут вспомнить сборку первого спутника и запуски геофизических ракет. А в отделе способны просечь необыкновенную математику, причём делают это походя, как решают массу прочих дел. И не как-нибудь тяп-ляп, а любо-дорого.

Ему остаётся теперь плыть по течению с быстрым потоком: куда прибьёт? Но если затор окажется грудой мусора? Придётся затем оправдываться, убеждая себя, что это и есть его истинное место. Так, в чём твоя ценность? Как определить твои действительную и мнимую части? Непременно нужно всё попробовать. Он выбрал свой «Тулон». Однако действовать нужно осторожно. Взять хотя бы «сапогов». И не даны ли они ему предупреждением?

Уходили «сапоги», и Мокашову было неясно, как уходить из ракетной техники? Это всё равно, считал он, как уходить от счастья к бедам, от еды к голоду. Можно, но для чего? От

них ему оставалось всё. Он словно входил в спектакль с готовым распределением ролей. И Шива – Вадим, и объекты, и Вася, и Сева, и Невмывако и даже Леночка с её предельной простотой. Теперь ему нужно с ними жить и, конечно, ладить, и даже на время полюбить. Но только на время. Это он понял. Здесь нельзя быть постоянно верным. Обстановка приучала к неверности. Полюби очередной объект, полюби его полностью и отдай ему все свои силы и помыслы. А там – до свидания, и полюби другой и отдай теперь ему силы и помыслы. Словом, как у артистов, войди в новую роль.

До сих пор собственное ему удавалось. От Иркина он ушёл, и от Вадима уйдёт, а от злосчастного Невмывако и по-давно уйдёт.

Дежурство по городу спускалось отделу свыше. В отделе числилась народная дружина, но посылали тех, кто был свободен в данный момент. На этот раз выпало «сапогам» и для усиления Мокашову, так сказал Вадим.

Он стал несомненным третьим лишним. Не будь его, они заглянули бы в опорный пункт за повязками. «Дежурите до двадцати трёх», – предупредили бы их. А они возразили бы: «до двадцати четырёх», и дунули бы прямым ходом в «Золотое руно» или в общежитие. Мешал теперь только этот вадимов хвост.

Сам факт дежурства был для них сигнальным звонком.
– Заходит Взоров, – рассказывал Игунин, – к Воронихину

и говорит: «Что же у вас такое?» А тот, как всегда бесцветно и словно каша во рту: «Что вы имеете в виду?» «Семёнова, например. Как он у вас работает?» «А никак, – отвечает тот, не моргнув, – никак не работает».

– Это просто, – рассуждал спокойно Семёнов, – не ценишь того, что имеешь. Смелый не ценит смелости. Она ему в порядке вещей. Добросовестный добросовестности.

– А Воронихин не ценит своей жены.

– Это совсем иное дело. Он смотрит чужими глазами на неё.

– Какими?

– Жадными. Как на булочку с кремом, которую всякий пытается съесть.

– Тебе она нравится?

– Господи, а кому она не нравится? Это как эпидемия, и все обязаны переболеть.

– Она – местная Елена Прекрасная. Из-за таких в старину возникали войны. Такие не могут принадлежать одному.

– Нет, по мне она – булочка с кремом и с изюмом. Калорийная.

– Такую следует сделать народным достоянием или убить.

– Нет, ею нужно переболеть, как корью.

А Мокашов думал: «Она – необыкновенная, и всё в ней нравится: голос, походка, фигура, лицо, а волосы – точно эмалевые проволочки, волосок к волоску?»

Они вступили в проходной двор, и двор ограничивал тему

разговора.

– Не задумывался, – спрашивал Семёнов, – на что при уходе две недели дано?

– Очиститься, не оставлять грязных следов.

– А я считаю, для мести.

– Для мести, ха-ха. Тоже мне. Кровной?

– Или бескровной. Вы, например, увольняете меня, и я ухожу, но с вашей женой.

– Слушай, а к Воронихиным не зайдём?

Они стояли в мрачном колодце двора.

– Так он ещё не вернулся из Москвы.

– Тем более.

– Да, они летом на даче живут.

Мокашов с интересом разглядывал двор. С виду унылый, деревья посажены у окон. Сажали, не думали, что вымахают выше крыш и в два обхвата толщиной.

– Что у Славки с Воронихиной?

– Думаю, ничего.

– А я не думаю. У Славки никто ещё не слетал с крючка.

Слушать было больно. Слова «сапогов» напоминали саднящую ранку, что больно затронуть, но важно услышать всё.

– Ты просто не в курсе. Мы все знакомы очень давно.

– Давно и неправда? – такие фразы вылетали из них, как из автомата.

– Давно и правда. Очень давно.

Сердце Мокашова стучало.

– Мы все здесь знакомы. А знаешь, как я с ней познакомился? Пораньше Воронихина, да, пожалуй, и всех. Разве что Славка знал её раньше, по Москве. Сижу раз я, значит, в городской читалке, листаю вариационное исчисление.

– Вариационное. Это обязательно.

– Можешь помолчать. И что-то странное творится со мной. Через пару столов такая девушка. Укуталась в голубой платок, а у меня голова кругом идёт, ничего не пойму. Смотрю, собирает книги, подхожу: «Девушка, у вас есть карандаш?» Поднимает глаза, подаёт карандаш. «А теперь говорите ваш телефон». Смотрит она на меня, вздыхает и безмолвно идёт к двери. Идёт так, во мне всё переворачивается. Противен сам себе стал. Догоняю её: «Девушка, не исчезайте, оставьте ваш телефон». А она тихо в ответ: «Он есть в телефонной книге». «А ваша фамилия?» «Она тоже там есть». Удивительная девушка. «Что мне, – думаю, – теперь дежурить в читалке, и тогда родина потеряет в моем лице гениального математика?»

– Да, – обрадовался Игунин, – действительно, и потеряла. Если и есть в тебе что-то математическое, то в лице.

– А через несколько месяцев она стала Воронихиной.

Мокашов слушал и не слушал их разговор. Всё, всё, что касалось её, задевало его и трогало. Он вспоминал её губы отдельно, точно улыбку чеширского кота, и находя в них массу выражения.

Отсюда, снизу, издалека открывался необыкновенный захватывающий вид. Идущая на подъем дорога смотрелась серо-фиолетовой стеной. По её полотну, молочному вдали, ползли блестящими божьими коровками легковые машины, а остеклённый со всех сторон автобус смотрелся блестящим, мокрым жуком. Сочная зелень служила рамой картине, из которой местами выглядывали серые здания фирмы.

Но Мокашов всего этого не замечал. Его внимание было приковано к переднему плану, грязно-жёлтой стене невзрачного дома, к её единственному, расположенному рядом с пожарной лестницей окну.

– Погуляли, отдохнули? – Встретил их в опорном пункте дежурный, и тут же передал их оперуполномоченному, сообщившему им весёлым голосом.

– Идём брать рецидивиста.

– Оснований для паники не предвидится, – объяснял он уже на ходу, – сопротивляться ему нет никакого смысла.

Он расставил их вокруг дома, и Мокашову досталась торцевая стена.

– Оружие он вряд ли применит, – заверил оперативник, – на нём уже куча собак навешена и самодеятельность эта ему ни к чему. Но не дремать!

Странно было, что здесь, в двух шагах от фирмы, на углу, где обычно назначались свидания, свито преступное гнездо, и неизвестно – чем ещё дело закончится?

Потом они устроили, что называется «разбор полёта». Оперативник двинулся к дверям, и тут же из мокашовского окна выглянула длинноносая старуха. Оперативник командовал: «На чердак», и Мокашов рванулся к поржавевшей пожарной лестнице с заколоченными нижними ступенями. Старуха отпрянула от окна, а он обдираясь, неловко карабкался, добираясь до чердачного окна. На чердаке в клубах пыли, он неловко схватил со спины кого-то, опасаясь и не зная, как действовать дальше. «Преступником» оказался Семёнов, и все обошлось. Рецидивиста в доме не было, а на чердаке просто возились малолетки.

Потом они долго смеялись. На обратном пути заглянули в «Золотое руно», но там уже кухня закончилась. Подвыпивший повар, знакомый Семёнова, пытался раскочегарить плиту. Но уронил в половую щель ключи от холодильника и, отводя душу, кричал на прикухонных личностей: посторонним вход воспрещён.

Затем они пили шампанское, закусывая маслинами, потому что иного не нашлось. И Мокашов, пользуясь случаем, и про датчик спросил, на что Семёнов ответил, что дело, собственно, не в нём, а просто такие обстоятельства и против него лично он не имеет ничего. А вот с Вадимом им не жить, это как пить дать... Медицинский факт.

– Медицинский, – орала «сапоги».

– Отчего медицинский? – улыбался Мокашов, от шампанского ему вдруг стало хорошо.

– А вот этот, – кивал Семёнов, – уже медкомиссию прошёл. – Женись, – наседали на Игунина, – уверяю, тебя заставят.

– А сам, – отбивался Игунин, – покажи товарищу пример. Представляешь, утро, жена, розовая со сна, в кимоно подаёт тебе кофе в постель. Смеющиеся карие глаза...

– У меня иной идеал, – балаганил Семёнов, – голубые глаза и белая кофточка.

– А красная?

– Что?

– Кофточка.

– Не подходит, не гармонирует с голубым.

Временами Мокашов проваливался в своё. Казалось, что-то большое и грустное обволакивало его и поднимало, и было жалко себя и пуст обычный трескучий мир.

– Скажи, – начинал, блестя глазами, Игунин, – какова оптимальная стратегия знакомств? Знакомиться чаще, не тратя усилий, где повезёт или направленно искать?

– Любовь, – перебивал гнусным голосом Семёнов.

– Причём тут любовь? Я не о любви.

– А ты посчитай. Обыкновенная вариационная задача.

– Многопараметрическая. Всего не учёшь.

И Мокашов снова проваливался в своё. «Наргис» жила уже в нём неким призрачным образом, то возникая, то исчезая и всё же постоянно присутствуя. Она присутствовала деталями: отбросила волосы, прижала руку к груди. Она уже

повсеместно присутствовала, и каждый шаг его сделался и совместным чуть-чуть.

– Женись, – настаивал Семёнов, – или совсем не соображаешь? Это твоя осознанная необходимость, говорю. Ты – туп, видно в детстве непрерывно играл в футбол или пристаивал к соседским девчонкам. Женись, умоляю тебя.

– И что?

– А потом мучайся из-за несоответствия интересов. И знаешь почему? Времени не хватает. Это во времена Ромео всё время тратили на любовь...

Рядом бубнили «сапоги», а Мокашов думал о своём: «Славные они. Обожглись с управлением? Но управление – наносное. Оно витало в воздухе, и там и сям возникали предложения. Причины ухода были иными. Игунин хотел попасть в отряд гражданских космонавтов через ИМБП, а Семёнову открылось стоящее в области информационных технологий, где пока ещё был чист горизонт и можно начать с нуля. А несли они полную чушь.

– Любовь – позор нашего общества, – шумели «сапоги», – такое важное дело и так неорганизованно. Энтропия ужасно велика... А Леночку необходимо пристроить...

Леночка осталась у них занозой в памяти. Они чувствовали перед ней вину. Они уходили теперь в свободный полёт. Они свободны как птицы, и их судьба совершает резкий разворот, а Леночка осталась укором совести. Они как мо-

гут помогут ей, станут трезвонить о ней на каждом углу. Вокруг ровесники, бывшие однокурсники, однокашники и однокорытники. И где-нибудь сработает. Обязательно. Но пока Леночка для них горчинкой вины.

– Слушай, – философствовал Семёнов, – может, с Севкой её свести? Ведь это счастье для женщины – иметь мужем такого чистосердечного лопуха.

Глава восьмая

Время от времени в комнату заглядывал Сева. Он был не от мира сего, этот Сева. Он считал себя математиком и обо всем, кроме уравнений, говорил:

– Это вне сферы моих профессиональных интересов.

Толку от него не было, и на него давно махнули рукой. Любое маленькое поручение он раздувал до гигантских размеров. Ходил советоваться, и все знали в отделе: Сева взялся за новую штуку.

Из всего антуража работы уловил он лишь внешнее – суету и горячку. И когда он спешил, говорил, подражая другим, короткими отрывистыми фразами, ему самому казалось, что и в самом деле он спешит и занят. Слушал он, как правило, плохо, а последнее время вообще находился в подвешенном состоянии. В его расчётах определения местоположения межпланетных станций обнаружился солидный изъян. Обнаружил его Вадим, а начальник отдела Викторов издал негласный приказ: в командировки не посылать, не повышать, поручить конкретный кусок работ с целью выявления.

К «сапогам» Сева заходил «по делу», и это их нервировало. Теперь он составлял программу расчёта расходов рабочего тела, но по привычке взялся немислимо широко, учитывая чуть ли не реакцию теплового излучения и возмущение от возможных микрометеоритов. К «сапогам» он захо-

дил посоветоваться.

– Какой совет, – еле сдерживался Семёнов, – у каждого – собственная метода.

Но Сева щурил наивные голубые глаза и вид при этом был у него глубокомысленный.

– А по-твоему?

– Ну, я бы сделал грубо большой рывок, – пожимал плечами Семёнов, – а потом подчищал зады. Это как у строителей. В страшном темпе строится забор, а затем можно ничего не делать. И никто не беспокоится, всех гипнотизирует забор.

– Ладно, – говорил Сева, – пойду, попробую методом Монте-Карло. Понимаешь, сам Иркин интересуется. Пойду ещё и его спрошу и время закажу на машину.

– Так у тебя и программы нет...

– Ничего, поговорю.

И Сева уходил, оставляя кавардак в сознании собеседников.

– Долго он здесь не продержится.

Однако на этот раз Сева был встречен словно желанный гость.

Сева пришёл, – веселились «сапоги». – Великий машинист – Сева. Лучшие годы провёл с вычислительной машиной.

Сева улыбался, но настороженно смотрел.

– Отчего ты не женишься, Севка? – начинал в нетерпении Игунин.

– Ему некогда, – подключался Семёнов, – он и ночи проводит с машиной. Отчего, скажи, ты работаешь по ночам?

– По ночам никто не мешает, – отвечал Сева скромно. Но «сапогов» это только возбуждало.

– Может лучше, чтобы мешали? Чтобы кто-то ворочался под боком и повторял: ну, Сева, ну, Себастьян?

– Тебе обязательно нужно жениться. У тебя будет куча детей.

– Детей и аспирантов.

– Детей, аспирантов, аспиранток, детей от аспиранток. Одним словом, масса детей.

– Тебе обязательно нужно жениться.

– Непременно. Не задумываясь. Ведь настоящие учёные женятся на домработницах и страдают из-за несоответствия интересов. А отчего? Времени у них, видите ли, не хватает. А рядом девка с крутыми бёдрами, у которой одни солдаты в голове.

Шум и смех не остались незамеченными. Зашёл Вася – Мешок Сказок. «Словно бабочки на огонь», – подумал Мокшонов.

Появление Васи Мешка Сказок вызвало в комнате новый взрыв энтузиазма.

– Ещё один холостячок пришёл набираться опыта, – веселились «сапоги». – Платный совет? Фирма гарантирует.

– Вася, вам нравится Леночка?

– Это которая?

– Он Леночки не знает. А тебе, Себастьян?

– А что в ней хорошего?

– Мне кажется, и ты от эталона далёк.

– Ну, нет, – комментировал Семёнов, – к себе всегда лучше относишься. Эти холостяки непременно придирчивы. Создают себе абстрактный образ и ругают за то, что жизнь далека от выдуманного.

И так трёп-трёпом, пока Сева не завёлся. Причём досталось в основном Мешку Сказок. «Злющий и шуток не понимает». Сева поправлял поминутно сильные, с толстыми стёклами очки, махал руками и брызгал слюной. Глаза его сделались маленькими, колючими, а лицо Васи пятнами пошло.

– Знаете что? Конструктивное предложение, – не выдержал, наконец, Семёнов, – валите-ка вы оба отсюда и не появляйтесь больше вдвоём. И прочтите надпись в соседней комнате.

У соседей, знал уже Мокашов, висело над телефоном: «Разговоры, не связанные со служебной необходимостью, в рабочее время ЗАПРЕЩЕНЫ».

– Дело в том, – начал было Сева, но Семёнов его оборвал:

– Давай, давай...

И Сева, обидевшись, ушёл.

– Надоели гуси, сил нет, – сказал откидываясь Семёнов.

– Сапог, ты почти что сотрудника вытурил, продолжатель...

– Действительно, вот уйдёшь, а Сева такое здесь наворо-

тит. Послушай, – сказал вдруг Семёнов, обращаясь к Мокшову, – а давай я над тобой наставничество возьму. Мы с тобой проведём серию тематических бесед. О «нечистой силе». О том, что Сева, например, нагородил с навигацией?

– А что? – не удержался Игунин.

– Не учёл сноса от двигателей.

То, что теперь переделывали расчётчицы и Вадим, и составляло последний промах Севы. Суть автономной навигации заключалась в самообслуживании – определении маршрута межпланетной станции бортовыми средствами. Получить точность на удалении и перспектива – не нянчиться с объектами. Со стороны автономная навигация смотрелась отдельным, желанным куском.

– Двадцать пятый отдел, пожалуйста, – пригласила секретарша.

И они двинулись из просторной приёмной Главного в первый огромный кабинет. Главный встретил их на полпути, и они встали перед ним, как баскетболисты перед тренером.

– Я посмотрел ваши предложения, – начал сходу Главный, – и определённно вам скажу: на ближайшие станции систему ставить не будем.

Они среагировали по-разному: Иркин вспыхнул, Воронихин потупился, Викторов отчего-то поднял руку и коснулся щеки, но тут же её опустил. И все внимательно посмотрели на Главного. Он бывал разным и прежде всего следовало

убедиться, какой он теперь?

– Я недоволен работой отдела, – глухо произнёс Главный, разбрасываетесь, наплодили кучу систем. А отработанных нет. Понимаете, отработанные нужны. Не журавль в небе, синица в кулаке.

Он не хотел, да и не мог ещё сказать всё. Однако замысел с передачей межпланетных станций уже вошёл в противоречие с рядом документов. Но заявлять пока ещё было рано. В подразделениях КБ передача станций могла быть воспринята неудачей.

Неудача в работе огромного коллектива – трагедия. Она рождает массу неудачников. Масса надежд, забот, планов внезапно движется под уклон. Изменение курса должно быть тщательно подготовлено. Но объяснять было рано, и он сказал насупившись:

– Автономную навигацию пока оставим в покое. Вы меня поняли?

Смятение отразилось на их лицах: Главный не понял, какую ценную игрушку, какую хрупкую мечту они ему принесли. А он с его обычной проницательностью, внешне маскируемой, с его неприкрытой грубостью, но ценным качеством – проникновением в самую суть – не понял. Они смотрели недоумевая, что случилось? Ведь самое страшное – потерять не опыт и знания, а интуицию, чутье, чувство целесообразности и красоты. Тогда всё в кучу: и не разобрать, что плохо, что – хорошо. В недоумении они толпились перед ним.

И чтобы отсечь ненужное, он преднамеренно жёстко сказал:

– Всё.

Затем добавил обычным голосом:

– Борис Викторович, я вам направил предложения Академии Наук по тяжёлому межпланетному кораблю. Взгляните на свежую голову.

Викторов согласно кивнул, но Иркин вскинулся:

– А стоит?

Главный взглянул исподлобья.

– Стоит.

И добавил мягче:

– Обязательно. Мало ли что могут они нагородить. Мы всегда начинаем. Такова жизнь. – и добавил примирительно, чтобы закрыть предыдущее. – Лучшее – враг хорошего.

«Такова наша собачья доля», – подумал Викторов и кивнул, потому что планы планами, а жизнь жизнью, и не время ещё копыя ломать.

– Кстати, по МВ: у вас просчитан суточный вариант?

– Вы же знаете...

– Ничего я знать не хочу. Почему у вас не дело, а стоны вокруг? Даю вам три дня. В пятницу доложите.

В отдел Воронихин позвонил из приёмной Главного.

– Лаборатория моделирования? Воронихин говорит. Понимаю, что рабочий день закончился. Задержитесь, я буду через пятнадцать минут. Понимаю, что вам не начальник.

Передаю трубку Борису Викторовичу. И не рассказывайте сказки, что никого уже нет, и отсюда слышно, как стучат в домино.

У теоретиков трубки не поднимали. Известное дело, теоретики не могут лишней минуты пересидеть.

– Алло. Это Воронихин говорит. Кто это?

– Мокашов.

– Отчего к телефону не подходите.

– А я из соседней комнаты. Здесь пусто, все уже ушли.

– Я вам сейчас продиктую. Отнесите задание на модель, и не уходите, дождитесь меня.

И далее цифры. Сердце у Мокашова ёкнуло: вот оно, только бы разобраться. Обычно стартовый импульс давался «гибриду» на первом, неполном околоземном витке. Объект уходил с орбиты вне зоны видимости. Но было заманчивым, – задержаться, провериться на орбите и выдать импульс тоже на виду. Тому препятствовали внутренние сложности: гироскопы, хранившие опорное положение, имели ограниченный ресурс, ошибка ухода получалась большой, а сориентироваться по звёздам у Земли мешали помехи. Пылинки, порхавшие рядом после разделения, играли роль ложной звезды. Тут нужен был новый принцип.

Воронихин диктовал:

– Работа по Солнцу и ионному потоку, записывайте. Точность – полградуса, пороги...

Мокашов тщательно записал.

Диктуя задание, Воронихин надеялся задержать лишь сотрудников лаборатории моделирования. Мокашову, как почтовому голубю, оставалось только лишь задание отнести. Но Мокашов наткнулся на Семёнова, крутившего телефон в пустой комнате секретаря. Вместе разобрали задание.

Отношения с Семёновым в последнее время наладились. Мокашов даже его официально наставником утвердил, так как фирму захватила в те дни эпопея наставничества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.